

Александр Михайловский
Александр Харников

ЗОЛОТЫЕ МИРАЖИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

Золотые миражи

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Золотые миражи / А. Б. Михайловский — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134502-0

Изобретатели машины времени из России XXI века открыли нашим современникам дорогу в XIX век, когда во главе Российской империи стоял император Николай I. Но секрет машины времени недолго оставался достоянием кучки энтузиастов. Вскоре он стал известен правительству Российской Федерации. И две России – прошлого и будущего, начали действовать сообща. Император Николай I решил не продавать русские владения в Калифорнии, а, наоборот, расширить территории, контролируемые Россией, чтобы создать на Североамериканском континенте Русскую Америку. Но такое решение императора Николая не понравилось недругам России, и они начали активно противодействовать русской экспансии. Ко всему прочему в Калифорнии нашли золото. Из-за него вот-вот начнется жестокая схватка, в которой Россия обязана победить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134502-0

© Михайловский А. Б., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Счастливое Рождество	8
«Доброй охоты всем нам...»	16
Прелюдия к грозе	39
Шпионские страсти	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Михайловский
Александр Харников
Имперский союз: Золотые миражи

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 190

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Михайловский, 2021

© Александр Харников, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Ильина Олега Васильевича

Пролог

Возвращение сеньора Диаса на его ранчо в Калифорнии стало настоящей сенсацией. Очевидцы и участники сражения под стенами ранчо рассказывали, что дон Франсиско был смертельно ранен бандитской пулей в грудь. Пришедшие ему на помощь русские из крепости Росс увезли раненого с собой на удивительной машине, которая двигалась без помощи лошадей, которую не брали пули. С доном Франсиско уехала и его прелестная дочь, сеньорита Кончита. С тех пор их никто больше не видел.

Правда, главный русский из крепости Росс, сеньор Виктор, сообщил донье Исабель, родственнице сеньора Диаса, что раненого и его дочь отправили куда-то далеко в Россию. Конечно, все это весьма странно, так как от Калифорнии до России очень далеко. Но те, кто успел познакомиться с удивительными русскими, уже ничему не удивлялись. И они очень обрадовались, получив известие о том, что дон Франсиско жив и идет на поправку.

Донья Исабель стала домоправительницей у главы колонии Росс. Злые языки поговаривали, что она не только следила за чистотой сорочек дона Виктора и занималась приготовлением ему обедов и завтраков. Донья Исабель сменила свой черный вдовий наряд на нарядное платье, стала чаще улыбаться и даже смеяться. Она помолодела, и на нее с интересом начали поглядывать мужчины, живущие в крепости Росс. Но только поглядывать. Было известно, что дон Виктор, он же Виктор Иванович Сергеев, благосклонен к донне Исабель. Резко помолодевшая вдовушка не ограничивалась лишь ведением домашнего хозяйства, а вечерами засиживалась в доме Сергеева и порой оставалась там на ночь. Люди понимающе переглядывались, и никто не осуждал главу русских владений в Калифорнии. В конце концов, он тоже был вдовцом, и если два одиноких человека нашли друг друга, то, что называется, совет им да любовь...

От донны Исабель и стало известно, что со дня на день следует ждать возвращения домой выздоровевшего дона Франсиско.

– Да, он действительно поправился и выглядит очень хорошо, – рассказывала она. – Он побывал в самом Санкт-Петербурге, где его принял российский император Николай. И еще, – тут донья Исабель хитро улыбнулась и добавила: – Кончита вышла там замуж. Ее мужем стал сеньор Роман Мальцев. Правда, теперь он уже не капитан, а майор. На свадьбе Кончиты присутствовал сам император, который преподнес ей дорогой свадебный подарок – алмазную брошь.

Слушавшие рассказ донны Исабель ахнули от удивления. Какая все же счастливица эта Кончита. Нашла такого замечательного мужа – красавца и храбреца. А свадьба, на которой присутствовал русский император! Об этом никакая, даже самая богатая и знатная сеньорита в Калифорнии не могла и мечтать...

Мужчины, выслушав рассказ донны Исабель, чесали затылки и многозначительно переглядывались. Они поняли, что теперь сеньор Диас находится под надежной защитой. Вряд ли даже самый отчаянный бандит в Калифорнии рискнет напасть на его ранчо. А если учесть, что дон Франсиско лично встречался и разговаривал с русским императором...

Сеньор Диас и до того считался одним из самых богатых и влиятельных ранчеро в Верхней Калифорнии. Но после того, как он породнился с русскими и был принят императором Николаем, авторитет дона Франсиско подскочил на невиданную высоту. Даже губернатор обеих Калифорний сеньор Хуан Баутиста Альварадо, которому доложили о рассказе донны Исабель, прикинул про себя, что было бы неплохо навестить дона Франсиско сразу же после его возвращения домой.

И вот сеньор Диас, его дочь и зять стоят во дворе крепости Росс в окружении друзей, родственников и просто любопытных. Шум, смех, приветственные крики... Дон Франсиско выглядел так, словно и не его совсем недавно увозили в далекую Россию едва живого, бледного, как полотно. Правда, внимательный глаз мог заметить, что на лице дона Франсиско появились

новые морщинки, а в волосах прибавилось седины. Да и движется он осторожно, стараясь не делать резких движений.

А Кончита стала настоящей красавицей. И не только из-за того, что была одета в нарядное платье, а в ушах ее сверкали удивительные по красоте и изяществу серьги с изумрудами. Она сияла красотой женщины, которая полюбила и почувствовала, что и она тоже любима. Майор Мальцев, который осторожно держал под локоток молодую жену, был одет в парадный мундир с боевыми наградами на груди. Многие сеньориты тяжело вздохнули, увидев, что такой блестящий кабальеро достался Кончите. Но им оставалось лишь завидовать его супруге.

– С возвращением, дон Франсиско, – приветствовал сеньора Диаса Виктор Сергеев. – Я очень рад, что вы поправились и вернулись в родные края. К сожалению, за время вашего отсутствия накопилось немало важных дел, которыми необходимо срочно заняться. Я хочу попросить вас после того, как вы немного отдохнете на своем ранчо, подъехать ко мне в крепость. Мне необходим ваш совет.

– А вы, молодожены, – Сергеев повернулся к Роману и Кончите, – считайте, что у вас все еще продолжается медовый месяц. Только ты, Роман, будешь нужен мне послезавтра. Скоро грянут серьезные события, и без твоих бойцов нам не обойтись...

Счастлиное Рождество

Что такое одиночество, когда дел непереворот и работать приходится с раннего утра до глубокой ночи? В такой парадоксальной ситуации оказался Александр Павлович Шумилин, оставшийся один в Санкт-Петербурге XIX века. Точнее, проживал он сейчас не в стольном Петровом граде, а в Гатчине, где молодожены Сергеевы отвели ему несколько комнат.

Друзья же его разбрелись по разным городам и эпохам. Кто-то, как Виктор Иванович Сергеев, наводил порядок в далекой Калифорнии и активно боролся с американцами, которые решили отжать у Мексики эти богатые места. Алексей Кузнецов отправился в XXI век, чтобы получить заказанное им медицинское оборудование для своей клиники. Ольга Румянцева уехала с Карлом Брюлловым «на этюды». А проще говоря, она отправилась со своим любимым в одну небольшую деревеньку на Валдае, чтобы тот мог ближе познакомиться с русскими зимними пейзажами. Избушки, засыпанные снегом, лошадки, тянущие крестьянские сани, румяные лица мальчишек, катающихся с ледяных горок. Все это великий художник должен увидеть и перенести на холст.

Антон Воронин, немного отдохнув в прошлом, снова отправился в настоящее, где продолжил работу над совершенствованием машины времени. Его голова была полна новыми идеями, которые позволили бы перемещать через портал из настоящего в прошлое габаритные предметы, например, такие, как океанские лайнеры.

Сергеев-младший и Адини отправились в Петербург XXI века вместе с ним – они решили «догулять» свой так неожиданно прерванный медовый месяц, посетить Москву, встретиться там с некоторыми высокопоставленными особами, которые изъявили желание поближе познакомиться с дочерью императора Николая Павловича и с ее мужем.

Сын Александра Павловича, Вадим Шумилин, в настоящий момент находился в Калифорнии, где помогал Виктору Сергееву укреплять обороноспособность русских территорий и организовывать кордонную службу, дабы решительно пресекать все попытки «диких» золотоискателей и прочих нежелательных личностей проникать на земли, принадлежащие Российско-Американской компании. В своих кратких сообщениях из крепости Росс Вадим информировал отца обо всем, что произошло на подведомственной ему территории, и о своих успехах в организации агентурной сети среди жителей прилегающих к крепости населенных пунктов и индейцев кашайя.

В конце своего послания он обязательно передавал привет и наилучшие пожелания великой княжне Ольге Николаевне. Кроме приветов, Вадим пересылал через отца любимой цветные фотографии с видами крепости Росс, селений индейцев помо и живописных пейзажей Калифорнии. С оказией Александр Павлович отправлял Вадиму ответы от Ольги в надушенных конвертиках с вензелем великой княжны. Он догадывался, что в них она рассказывала сыну о своих чувствах и уверяла Вадима в том, что с нетерпением ждет той минуты, когда они снова увидят друг друга. Шумилин, таким образом, служил своего рода почтальоном, связывавшим два любящих сердца. Он тяжело вздыхал, читая письма сына, но ничем помочь ему не мог.

Не мог Александр увидеться и с Олегом Щукиным. Тот, получив на днях звание полковника, срочно отправился в Москву XXI века. Он лишь успел шепнуть Шумилину, что его вызывает «сам», у которого есть какие-то очень важные предложения по поводу дальнейшей деятельности отдела «Х».

– Не бойсь, Шурик, – сказал ему на прощание новоиспеченный полковник, – вот увидишь, все будет хорошо. Печенкой чую, что нам должны что-то подкинуть. Нет, не то, о чем ты подумал, а нечто козырное. В общем, вернись – расскажу. Как только – так сразу...

Но Олег застрял в будущем, и Александр Павлович весь исстрадался от любопытства. Интересно, что там такое надумали в Москве? Что им может предложить «сам»? Неужели он решил отправиться в прошлое и встретиться с императором? Зная неугомонный характер ВВП, и такой вариант был вполне вероятен.

У Шумилина оставались друзья из XIX века. Это, прежде всего, Николай Павлович, самодержец и император, и граф Бенкендорф. Они всегда были рады его видеть, но стоит ли отрывать занятых людей от важных государственных дел? Впрочем, и у самого Александра Павловича тоже хватало работы. Так что даже дружеская встреча с царем и главой III отделения в конечном итоге превращалась в деловую беседу. Вот и сейчас у Шумилина имелось несколько вопросов, которые мог бы решить только сам император.

Александр взял со стола радиостанцию и нажал кнопку вызова. У царя на столе раздался сигнал, говоривший о том, что кто-то желает с ним переговорить. Николай со вздохом оторвался от лежавших перед ним бумаг и приложил к уху рацию.

– День добрый, государь, – раздался хорошо знакомый Николаю голос. – Я желал бы встретиться с вами по одному очень важному вопросу. Вы не могли бы принять меня?

– Добрый день, Александр Павлович. Я готов принять вас. Приезжайте в Зимний ближе к вечеру. Мы обсудим ваши вопросы, а потом вы отужинаете вместе со мной и моей семьей... Я пришлю за вами карету.

– Хорошо, государь. До вечера.

Шумилин положил на стол рацию и задумался. До вечера оставалось еще немало времени. Есть возможность не спеша обдумать свой доклад и подобрать к нему все необходимые документы. Александр открыл ящик стола, достал красную – «рабочую» – папку и включил ноутбук...

* * *

Нельзя сказать, что император сильно встревожился, когда его «тайный советник» и друг Шумилин попросил у него аудиенцию. Если бы произошло нечто неприятное, то Александр Павлович наверняка бы прямо сказал ему об этом. Ну, не принято у людей из будущего, как они любят выражаться, «заметать мусор под ковер». В этом отношении они были не похожи на сановников из XIX века. В то же время Шумилин не стал бы беспокоить императора по пустякам. Вопросы, которые можно решить без помощи самодержца, он и его друзья обычно решали сами.

До вечера у императора еще было время, и потому он занялся текущими делами, коих было немало. Как ни старался Николай разгрести эти авгиевы конюшни, ему так и не удавалось это сделать. Может, здесь была и его вина – ведь император сам взял на себя контроль над многими вещами, с которыми вполне успешно справлялись его министры и руководители департаментов.

А вопрос, который Шумилин желал обсудить с Николаем, заключался в следующем. В Калифорнии, где под руководством Виктора Сергеева дела шли все лучше и лучше, подьесаул Никифор Волков – этот чин ему был присвоен вскоре после разгрома экспедиции полковника Джонсона – довольно успешно начал формировать новое казачье войско.

Но для наказного атамана¹ подьесаул – чин незначительный. В России XIX века, где взаимоотношения среди чиновников строго регламентировались Табелью о рангах, Никифор Волков, при всех его заслугах, вряд ли мог вызвать уважение у различных столоначальников и

---

¹ Наказной атаман – должность (чин, звание) в казачьих войсках; предводитель казаков. Наказной атаман мог быть хуторским, станичным, куренным, кошевым, походным, войсковым.

старших офицеров. К тому же Волков был молод и не обладал тем, что принято называть харизмой. Нужен был другой человек – и чином повыше, и обладающий этой самой харизмой.

Яков Петрович Бакланов – вот человек, который сможет создать новое боеспособное казачье войско в Русской Америке. Правда, в чинах он ненамного выше Никифора Волкова – есаул, но Шумилин решил, что сумеет уговорить Николая присвоить ему первый штаб-офицерский чин войскового старшины, что равно чину майора в армии и капитан-лейтенанта на флоте. Ведь в нашей истории Яков Петрович дослужился до генерал-поручика. Лучшего наказного атамана Славянского казачьего войска, пожалуй, трудно будет найти...

Николай дружески приветствовал Шумилина и пригласил присесть его к письменному столу.

– Я вижу, Александр Павлович, что вы пришли ко мне не с пустыми руками, – император кивнул на папку с документами, которую положил на стол его гость. – Как жаль, что вы очень редко приходите ко мне просто так, как мой друг, с которым можно просто посидеть, поговорить, как это у вас – «за жизнь», – и на время забыть о делах, которые, если сказать по чести, уже изрядно мне надоели.

– Эх, государь, – усмехнулся Шумилин, – я и сам мечтаю немного отдохнуть от всех забот. Только как-то это у меня не получается... Так что давайте решим вопрос, с которым я пришел к вам, и тем сэкономим время для обычного общения.

– Хорошо, Александр Павлович, – произнес Николай, – я вас внимательно слушаю.

– Государь, я хочу предложить вам кандидатуру наказного атамана Славянского казачьего войска. Наши дела в Калифорнии идут хорошо, и многие местные жители готовы вступить в это войско. Вот только командира подходящего нет...

– А что, подъесаул Волков для этого не подходит? – встревоженно сказал император. – Я помню, что вы, Александр Павлович, лично рекомендовали мне и хвалили этого достойного молодого человека.

– Что вы, государь, о том, чтобы не доверять Никифору Волкову, и речи не может быть. Просто он еще слишком молод и неопытен для того, чтобы командовать войском, которое создается, что называется, с нуля и в чужой стране. Тут нужен человек особый, такой, за которым его подчиненные пошли бы и в огонь, и в воду. К тому же он должен разбираться не только в военных, но и в политических вопросах.

– И вы нашли такого человека? – с любопытством спросил Николай. – Он не из ваших ли современников?

– Нет, государь, он ваш подданный. И вы, как мне кажется, уже слышали о нем. Это есаул Яков Бакланов. Он отличился во время войны с турками в 1829 году. За отличие при Кулевчи его наградили орденом Святой Анны четвертой степени. В том же году при Месемврии он заслужил орден Святой Анны третьей степени. Потом Бакланов воевал с немирными горцами на Кавказе, где показал себя только с лучшей стороны. В 1837 году за дело при станции Воскресенской, когда он со своими казачками ударил в пики, опрокинул неприятеля и преследовал более пятнадцать верст, истребив его почти полностью, Бакланов был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени с бантом. Сейчас же он служит в Донском учебном полку.

– Да, достойный офицер, – кивнул Николай, – думаю, что он вполне справится со своей должностью в Калифорнии. А все же, почему вы выбрали именно его? Ведь в казачьих войсках Российской империи есть немало и других, не менее храбрых и умных командиров?

– Государь, в Русской Америке нужен будет атаман, который всем своим видом и поведением производил бы неизгладимое впечатление на неприятеля. Вот – взгляните на портрет Якова Петровича Бакланова.

Шумилин открыл папку и протянул императору гравюру с изображением легендарного казака, правда, в генеральском мундире.

– Вы не находите, Александр Павлович, что у этого храбреца и, я в этом не сомневаюсь, отличного воина рожа отъявленного висельника? – с улыбкой спросил Николай. – Я понимаю, что человек не волен выбирать себе физиономию, но тут... – Император лишь развел руками.

– Да бог с ней, с рожей, – ухмыльнулся Шумилин. – Может, и это будет на пользу. Пусть враги боятся его. А друзья сразу поймут, что имеют дело с замечательным человеком, добрым и сердечным. К тому же рубака Яков Петрович отменный. На Дону и на Кубани до сих пор вспоминают знаменитый «баклановский удар», когда неприятеля разрубали шашкой от плеча до бедра. А ум и хитрость этого командира вызывали просто животный ужас у его врагов. Именно потому-то я и прошу направить Бакланова в Калифорнию. Пусть, услышав его имя, янки пугаются до сырости в штанах...

Николай рассмеялся. Он еще раз внимательно изучил гравюру с портретом Бакланова и, видимо приняв решение, сделал шариковой ручкой запись в своем рабочем блокноте.

– Хорошо, Александр Павлович, вы убедили меня. Быть посему. Я прикажу направить есаула Бакланова в Калифорнию. А там ему вручат мой указ о назначении его наказным атаманом Славянского казачьего войска. Никифор Волков же пусть станет его помощником. Заодно я повышу их в звании. Так оно будет лучше.

– А теперь, когда дело, с которым вы пришли ко мне, решено, я прошу вас пройти в покои императрицы, где мы вместе с вами поужинаем и посидим, поговорим просто, как два старых друга.

– Кстати, – тут Николай с улыбкой посмотрел на Шумилина, – Александра Федоровна хотела бы познакомиться с вами поближе. И моя дочь Ольга весьма интересуется тем, как обстоят наши дела в Русской Америке. Ах, уж эти женщины, всем они интересуются, везде суют свой нос...

– Не забывайте, государь, – Шумилин, с ходу поняв намеки императора, попытался перевести все в шутку, – что все несчастья на земле начались из-за чрезмерного любопытства некой особы по имени Пандора. Если бы ей не захотелось посмотреть, что лежит в сундуке у мужа, то мы так бы и жили, не зная ни горя, ни бед...

Николай рассмеялся и встал со стула, сделав приглашающий жест своему гостю. Он был рад, что дела закончились и теперь можно будет просто пообщаться с другом...

* * *

Капитан 1-го ранга и главный правитель Российско-Американской компании Адольф Карлович Этолин все последнее время находился в состоянии перманентного изумления. С появлением в Русской Америке надворного советника Сергеева жизнь на территории, подведомственной ему, честному служаке и рачительному хозяину, резко изменилась.

Нет, Адольф Карлович не мог сказать, что она изменилась к худшему. Скорее, наоборот. Внимание со стороны Петербурга, которым далекая окраина Российской империи всегда была обделена, возросло, о чем свидетельствовало неожиданное появление нового начальства. А самое главное, что теперь Этолин не чувствовал себя отрезанным от России. Как рассказал ему господин Сергеев, признавшийся, что он прибыл в этот мир из будущего, теперь у тех, кто живет в Русской Америке, будет постоянная связь с Петербургом и возможность в кратчайшие сроки доставлять из коренной России людей и грузы.

Конечно, трезвому и рациональному уму изрядно обрусевшего шведа, коим, собственно, и был Адольф Карлович, трудно было поверить в то, что рассказал ему господин надворный советник. Однако факты, а главное – чудесные механизмы и удивительное оружие, которое продемонстрировали люди, сопровождавшие Сергеева, послужили доказательством слов надворного советника. И теперь Этолин ежедневно с помощью устройства, именуемого «радиостанцией», связывался не только с крепостью Росс в Калифорнии, но и с Петербургом.

Несколько раз он разговаривал с самим государем, который в беседе выразил ему свое благоволение за рачительное и умелое управление Российско-Американской компанией. При этом государь велел ему внимательно прислушиваться к отеческим советам надворного советника Сергеева и следовать его рекомендациям.

Похоже, что в Петербурге наконец поняли всю важность обладания Русской Америкой и теперь, с помощью людей из будущего, пытаются усилить позиции России на Тихом океане. Это радовало Адольфа Карловича, но в то же время вызывало тревогу. Он опасался, что новые люди, прибывшие из Петербурга, оттеснят его от управления Российско-Американской компанией. Нет, в данном случае тревожило Этолина не ущемленное честолюбие, а опасения, что все его труды по развитию и укреплению Русской Америки могут пойти прахом.

Хотя, если сказать честно, и сам господин Сергеев, и прочие вновь прибывшие люди из столицы пока не покушались на прерогативы правителя Российско-Американской компании. Скорее наоборот – они всячески поддерживали все его начинания и давали деловые советы, которыми Этолин не раз воспользовался. К тому же господин Сергеев намекнул Адольфу Карловичу, что государь ценит своего верного слугу.

Похоже, господин надворный советник был неплохо осведомлен о том, что происходит в Петербурге. Государь при последней беседе с Адольфом Карловичем намекнул ему, что тот изрядно засиделся в чине капитана 1-го ранга, и что к Рождеству его ждет подарок. Неужели государь поздравит его адмиральским чином?! Как и все военные люди, Этолин был честолюбив и порой завидовал своим однокашникам по Морскому корпусу, уже получившим погоны с черными орлами.

Взять того же контр-адмирала Павла Нахимова. Вроде бы каких-то шестнадцать лет назад он был мичманом и вместе с Адольфом Карловичем на фрегате «Крейсер» посетил американские владения России. А сейчас он уже контр-адмирал, и с отрядом кораблей следует из Кронштадта к берегам Аляски. Как сказал господин Сергеев, этот отряд должен стать основой нового русского флота – Тихоокеанского. Правда, Адольф Карлович высказал опасение в отношении того, что отряд контр-адмирала Нахимова в его долгом пути могут ожидать провокации, а то и открыто враждебные действия со стороны британского флота. Но Сергеев рассмеялся и сказал, что это маловероятно.

– Адольф Карлович, не так давно британцы получили хорошую взбучку у берегов Норвегии. И теперь они опасаются связываться с нашими кораблями. К тому же весной британская королева Виктория намерена посетить Петербург. Подумайте сами – есть ли для них смысл портить отношения с Россией накануне этого визита?

Этолин был вынужден согласиться, что, действительно, в подобной ситуации британцы вряд ли будут пытаться напасть на отряд контр-адмирала Нахимова. Скорее, наоборот, они проявят показное радушие и гостеприимство, чтобы показать себя с лучшей стороны во время встречи королевы с императором Николаем Павловичем.

А пока, с помощью людей из будущего, в Ново-Архангельск из Петербурга прибыли очередные посланцы. Это были боевые офицеры, не так давно сражавшиеся на Кавказе в боях против воинственных горцев. Одним из них был штабс-капитан Лермонтов, прославившийся не только своими скандальными стихами, но и умелыми партизанскими действиями против мятежных черкесов. Второй же был птицей более высокого полета.

Флигель-адъютант императора подполковник граф Константин Константинович Бенкендорф приходился племянником всесильному графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, главе III отделения Собственной ЕИВ канцелярии и личному другу царя. Константин Бенкендорф со временем должен стать главным воинским начальником в Русской Америке. А штабс-капитан Лермонтов возглавит летучие отряды, которые будут вести борьбу с вооруженными шайками индейцев-колошей, которые в последнее время стали тревожить поселения Российско-Американской компании.

Взаимоотношения русских и колошей во все времена трудно было назвать мирными. Стычки, а то и открытые боевые действия между ними случались с удивительным постоянством. Индейцы нападали на фактории компании, на промысловиков, добывавших шкурки пушных зверей в лесах Аляски. В последнее время это стало происходить все чаще, что не могло не тревожить Этолина. И потому он обратился в Петербург с просьбой прислать хорошо вооруженные и обученные части, способные обуздать колошей.

В послании, которое Константин Бенкендорф вручил правителю Российско-Американской компании, сообщалось, что прибывшие господа офицеры – это представители будущих вооруженных сил Русской Америки, которые теперь будут постоянно находиться на Аляске. А крепость Росс и прилегающие к ней территории охранять будет вновь создаваемое казачье войско. На Аляске же, помимо отражения нападений воинственных колошей, военные будут продвигаться вглубь континента, разведывая новые территории, и приводить к присяге русскому императору живущие на них племена.

Конечно, всему этому будут противиться британцы, считающие, что большая часть северо-западной части американского континента контролируется ими через Компанию Гудзонова залива. Но, как было указано в переданном Этолину послании, все дипломатические казусы он может не брать в расчет. Учитывая то, что послание сие подписал его императорское величество император Николай I, все, что в нем было написано, Адольф Карлович мог считать приказом, который следовало выполнять.

– Скажите, граф, – обратился он к Бенкендорфу, – а как скоро в наши края придет ваша команда? Сколько в ней будет человек, и где их лучше будет разместить?

– Уважаемый Адольф Карлович, – главный воинский начальник Русской Америки был молод, но, судя по наградам, он уже успел повоевать, – все вопросы, которые вы изволили мне задать, и те, которые у вас могут возникнуть, мы обсудим на совещании в крепости Росс. Там сейчас находится майор Мальцев, доверенное лицо господина Сергеева, который уполномочен решать все, что происходит в русских владениях на Тихом океане. Насколько мне известно, вы уже имели честь познакомиться с ним.

Этолин кивнул и с любопытством посмотрел на Константина Бенкендорфа.

– Скажите, граф, а вы не могли бы рассказать о людях, которые пришли в наш мир из будущего? И как выглядит это будущее?

– Я не был в том мире, – улыбнулся Бенкендорф, – и знаю о нем лишь по рассказам дяди. А вот Михаилу Юрьевичу посчастливилось там побывать.

– Господин штабс-капитан, – воскликнул Этолин, – вы и в самом деле видели мир наших потомков?! Ради бога, расскажите мне о нем!

* * *

Генерал-майора Корпуса жандармов Леонтия Дубельта второй день подряд одолевали мрачные мысли. Они появились у него после получения из Петербурга с оказией послания от одной высокопоставленной особы, находящейся в родстве с бывшим главой российской дипломатии графом Нессельроде. В этом послании сообщалось, что государь недоволен им, верным слугой престола, и в самое ближайшее время его отзовут из Оренбурга в столицу. О том, что его ждет там, Дубельт мог лишь догадываться. В лучшем случае государь отправит его в отставку, в худшем же... Об этом Леонтию Васильевичу не хотелось даже думать.

«Интересно, удалось ли новым фаворитам царя (а в том, что без их происков тут не обошлось, он даже не сомневался) узнать что-либо о моих тайных делах? – размышлял Дубельт. – Ведь прошло уже столько времени, да и тем людям, которым было известно о них, лучше бы держать язык за зубами. Ведь если я пойду ко дну, то вместе со мной туда же отправятся и они».

Дубельт был достаточно циничен и считал, что в России только полный дурак и неисправимый идеалист – что, по мнению Леонтия Васильевича, одно и то же – не имеет со своей должности «безгрешных доходов». То есть он не запускает лапу в казну и не крадет в открытую, а просто использует свое служебное положение так, что благодарные ему люди сами преподносят «подарки» за скорое и «правильное» решение по их делам. Сие, с точки зрения Дубельта, не является смертным грехом, хотя чем меньше людей знает об этих «подарках», тем лучше.

Генерал-майор не был глупым человеком. Он прекрасно понимал, что помощь (небескорыстная!) некоторым уважаемым людям может нанести определенный ущерб государству. Но он считал, что потенциальный ущерб в данном случае не столь уж велик, а расположение и благодарность людей, просьбы которых он исполнял, весомее. Тем более что результат не обязательно мог расцениваться как ущерб.

Скажем, не смог Леонтий Васильевич предотвратить дуэль камер-юнкера Пушкина с кавалергардом Дантесом. Ну, убили этого писака, чьи стихи наводнили страну и вызвали смущение умов – так мало ли в России писак? Ведь и Пушкин мог преспокойно застрелить Дантеса, и что тогда? Был бы международный скандал, так как сей кавалергард считался приемным сыном голландского посланника... А ведь Пушкин нарушил слово, данное им государю. Он обещал не стреляться с Дантесом и не сдержал обещание.

А что Дубельт время от времени оказывал небольшие услуги подданным британской короны... Так и в этом нет ничего плохого. В конце концов, Леонтий Васильевич не выдавал государственные секреты. Ведь чего только не услышишь в великосветских салонах... Неужели за каждую сплетню следует сажать уважаемого человека в Петропавловскую крепость? Ну, собрались по старой памяти «братья» из запрещенных императором масонских лож, поговорили о своих делах, поругали правительство – так кто на Руси не ругает его? И что в этом плохого-то? К тому же супруга генерала, Анна Николаевна, была племянницей адмирала Мордвинова, ярого англомана и либерала. Даже свою жену адмирал вывез из Британии – Генриетта Коблей была дочерью британского консула в Ливорно. Мордвинов не раз ходатайствовал перед Леонтием Васильевичем за соотечественников супруги. И генерал, многим обязанный своему родственнику, не мог ему отказать.

И вот в благодарность за годы честной и безупречной службы отечеству и престолу Леонтия Васильевича неожиданно отстраняют от должности и отправляют фактически в ссылку – в Оренбург, где Европой и не пахнет – сплошь Азия – халаты дикарей, верблюды, купцы в восточных одеяниях. А людей, с которыми можно пообщаться и найти общий язык, здесь не найдешь днем с огнем. Даже не с кем в картишки переброситься – а Леонтий Васильевич был грешен, любил поиграть в вист или фараон.

Задание, которое дал Дубельту государь, было непростым. Ему следовало здесь, в Оренбурге, создать что-то вроде местного III отделения СЕИВ канцелярии. Необходимо было выявить лиц, которые поддерживают связь с британскими подданными, а также с прочими иностранцами, и сообщают им сведения, которые могут нанести ущерб интересам Российской империи. Только как это сделать?

В Петербурге в распоряжении Дубельта были агенты, которые с радостью доносили на своих знакомых и друзей, получая за это заслуженное вознаграждение. А здесь? Что могли сообщить здешние обыватели? О знатной попойке господ офицеров в местном кабаке? Или о тайной любовной связи городского почтмейстера с супругой попечителя богоугодных заведений?

К тому же чем-то схожим с тем, что должен был делать Леонтий Васильевич, в Оренбурге занимался чиновник по особым поручениям при военном губернаторе Оренбурга господин Даль. Только об этом было мало кому известно. Действительно, кто бы мог подумать, что бывший мичман Черноморского флота, уволенный со службы за гнусные стишки, в которых он высмеивал супругу почтенного адмирала Грейга, и который поменял офицерский мундир

на заляпанный кровью докторский халат, окажется умным и проницательным руководителем тайной службы?

Агенты Даля, верного клеветы генерал-губернатора Перовского, старательно добывали секретную информацию о положении дел в азиатских государствах, чьи территории граничили с Российской империей. Он сумел найти общий язык с вождями многих здешних диких племен, сообщавших Дालю очень важные сведения, которыми тот категорически отказывался делиться с Леонтием Васильевичем.

Сам же граф Перовский, начальник господина Даля, откровенно не любил подданных королевы Виктории. Он считал, что британские эмиссары возмущают кочевников против России, подстрекают эмира Бухары и хана Хивы к вражде со своим могучим северным соседом.

Дубельту все это было хорошо известно, но он не разделял антипатии графа к англичанам. В конце концов, России нечего делать в Азии. России самой природой следует быть в числе первых скрипок в европейском оркестре. А необозримые азиатские просторы, и уж тем более территории в далекой Америке, империи ни к чему. Вон, Сибирь уже столько веков пытаются освоить, и все никак это не получается. Живут там одни каторжники и дикари, питающиеся олениной и сырой рыбой. Говорят, что в глухой сибирской тайге можно встретить даже мамонта и людей, не знающих огня и живущих в пещерах. А тут еще и Азия зачем-то понадобилась!

В Оренбурге с Дубельтом приватно встречались британцы, путешествующие по землям, прилегающим к Индии – самой богатой колонии Англии. Джентльмены изучали природу и животный мир ранее неизвестных европейцам земель. Леонтий Васильевич знал, что этих путешественников интересовали не только и не столько география и животный мир Азии. Но он делал вид, что совершенно не догадывается об истинной цели британских «географов» и «натуралистов», и на заданные ему вопросы давал им исчерпывающие ответы.

Как оказалось, любознательных британцев интересовало и то, что происходило сейчас в Петербурге. И прежде всего – любая информация о новых фаворитах царя, появившихся ниоткуда и ставших лучшими друзьями императора Николая.

Честно говоря, эти странные люди были неприятны и самому Дубельту. А поэтому он рассказал любознательным британцам все, что ему было известно. Особенно встревожили англичан сведения о том, что находящийся в данный момент в Петербурге граф Перовский готовится к новому походу на Хиву. Помогают же ему организовать этот поход новые фавориты императора. Англичане прикинули, что будет, если, покорив Хиву, русские двинутся прямым ходом в сторону Индии. Могло случиться ужасное!

Та горстка британских солдат, которая поддерживала мир и порядок в индийских колониях Соединенного королевства, не выдержала бы открытого столкновения с полками императора Николая, вторгнувшимися в Индию. К тому же русских поддерживали бы индийцы, которые люто ненавидели своих поработителей. И владычеству англичан в Индии пришел бы конец.

Британские «путешественники» попросили Дубельта информировать Лондон о планах Перовского относительно подготавливаемого похода. Сообщать о том, что станет известно Леонтию Васильевичу, следовало в Петербург, посланиями на адрес высокопоставленных российских чиновников, известных англофилов. Что Дубельт и стал делать. И вот теперь один из его корреспондентов прислал письмо, которое нельзя было назвать иначе, как сигналом об опасности...

«Доброй охоты всем нам...»

Сторожевой корабль «Беркут» готовился к отправке в очередной поход в прошлое. Для его экипажа подобные выходы стали уже привычными и не вызывали прежнего удивления и ажиотажа. Обычная служба, как и у всех пограничников. Только патрулировал «Беркут» не территориальные воды Российской Федерации, а рубежи Российской империи.

Капитан 3-го ранга Варламов – он досрочно получил это звание «за образцовое выполнение служебного долга» – привел корабль к месту открытия портала. Далее все было как обычно – изумрудная точка, вспыхнувшая над волнами, превратилась в сияющий обруч, который стал быстро расти. Прямо по курсу «Беркута» возникла арка межвременного портала. Урча дизелями, корабль вошел в эту арку и оказался в прошлом. Затем портал свернулся, и ничто уже не напоминало о том, что всего пару минут назад здесь произошло рукотворное чудо – патрульный корабль из XXI века переместился в XIX век.

Задача, поставленная перед экипажем «Беркута», была привычной и рутинной – выдвигаться к побережью Аляски и перехватывать иностранные торговые суда, везущие индейцам-тлинкитам запрещенные товары – спиртное, оружие и боеприпасы. Кому-то было очень нужно, чтобы тлинкиты, или, как их называли живущие на Аляске русские, колоши, получали новейшие ружья и пистолеты. Стоили они недешево, но желание раздобыть такое оружие заставляло индейцев более активно нападать на фактории Российско-Американской компании и забирать с ее складов уже заготовленную для продажи пушнину. Колоши грабили и группы промысловиков, отбирая у них добытые шкурки. Те, естественно, не желали расставаться со своим имуществом и пытались отогнать грабителей. Лилась кровь, жертвы, и немалые, были и с той, и с другой стороны.

«Беркут» уже не раз перехватывал быстроходные парусники контрабандистов. На первых порах те пытались оказать сопротивление, но пограничники были настроены решительно и без долгих разговоров топили корабли нарушителей. Доставалось от «Беркута» и браконьерам, которые безжалостно истребляли каланов в российских территориальных водах. Словом, количество нехороших людей у берегов Русской Америки значительно уменьшилось, но они не оставляли попыток, пользуясь частыми в этих местах туманами, прорваться в укромные бухты на Аляске и продать с нетерпением ожидавшим их колошам очередную партию оружия и боеприпасов.

Чаще всего подобной противозаконной деятельностью занимались американцы. Но немало было и британцев, которые почему-то считали себя хозяевами Тихого океана, а потому вели себя дерзко и нагло. К тому же у англичан были крупные корабли, которые имели многочисленные экипажи и пушки. Так что порой «Беркуту» приходилось вступать с британскими кораблями в настоящие сражения. Правда, гладкоствольные пушки, стреляющие чугунными ядрами, были плохими соперницами скорострельным нарезным орудиям кораблей XXI века. И потому сражения заканчивались, как говорят в таких случаях спортивные комментаторы, «полной победой за явным преимуществом».

Экипаж «Беркута» уже привык ко всем этим «пострелушкам», хотя ядра, выпущенные из пушек контрабандистов и браконьеров, порой плюхались в воду у самого борта сторожевика. А артиллеристы «Беркута», получив хорошую практику, ухитрялись отправлять на дно корабли противника всего несколькими залпами из своих шестиствольных 30-миллиметровок. Достаточно было пройти очередью осколочно-фугасных зажигательных снарядов из корабельной артиллерийской установки АК-630 по палубе корабля-нарушителя, как на нем вспыхивал пожар, и его команда, точнее, те, кому повезло уцелеть, начинали прыгать за борт. Спасательные шлюпки при этом превращались в дуршлаг, а шансов вплавь добраться до берега у контрабандистов практически не оставалось.

Обеспокоенные растущими потерями, британцы и янки стали отправляться на свой разбойничий промысел парами. Иногда к берегам Русской Америки устремлялись целые флотилии контрабандистов. Но результат встречи американских и британских кораблей с «Беркутом» был один и тот же – бриги и шхуны тех, кто вторгся в воды, принадлежащие Российско-Американской компании, получали свою порцию снарядов, после чего их команды молили Бога, чтобы тот смилостивился над ними и дал им легкую смерть. В холодных водах, прилегающих к берегам Аляски, люди, оказавшиеся за бортом, быстро превращались в окоченевшие трупы.

«Беркут» же продолжал наводить страх на контрабандистов и браконьеров. Они уже успели окрестить его «Вестником смерти» и рассказывали о нем самые невероятные истории. Якобы корабль этот построен в самом пекле по проекту инженера, продавшего душу дьяволу. Адский корабль, двигавшийся с огромной скоростью без парусов и гребных колес, заколдован, и ни ядра, ни бомбы не брали его. Экипаж же этого нового «Летучего голландца» состоял сплошь из пиратов-висельников, вздернутых на рею за их преступления. Попав в преисподнюю, душегубы по призыву Сатаны соглашались и после смерти продолжить заниматься привычным для них делом – топить корабли и губить души добрых христиан. В общем, по их рассказам можно при желании написать шикарный ужастик, который в XXI веке имел бы шанс стать настоящим бестселлером...

Капитан 3-го ранга Варламов стоял на открытом правом крыле ходового мостика, внимательно осматривая поверхность моря в бинокль. Над водой стелился слоистый туман. Волнения практически не было, и «Беркут», слегка покачиваясь, шел экономичным ходом, рассекая форштевнем волны.

«Самое подходящее время для контрабандистов, – подумал он. – Надо бы сказать локал-торщикам – пусть усилят наблюдение».

Словно уловив его мысли, командир БЧ управления и связи сообщил, что обнаружены две цели, движущиеся курсом, ведущим к одной из укромных бухточек неподалеку от Якутата. По донесениям сухопутных коллег Варламов знал, что в эту бухточку часто заходили корабли контрабандистов и разгружали там запрещенные товары: виски, порох и ружья.

Приказав объявить боевую тревогу, командир «Беркута» поспешил на командный пост, где велел дать полный ход и идти на перехват кораблей-нарушителей. А в том, что это были именно они, он не сомневался. Обычные торговые суда, попав в такой туман, как правило, или встают на якорь, или ложатся в дрейф, опасаясь приближаться к берегу.

Когда до целей оставалось не больше мили, туман немного рассеялся, и Варламов увидел две средних размеров шхуны. Они медленно шли в сторону побережья. Большая часть их экипажей столпилась на баке, стараясь разглядеть в тумане буруны прямо по курсу. Потому что они не сразу заметили неожиданно вынырнувший из тумана «Вестник смерти».

Приказав взять на прицел ближайший к «Беркуту» корабль, Варламов через ГУ сообщил нарушителям морских границ Российской империи, что они должны немедленно лечь в дрейф, а капитаны шхун с судовыми документами незамедлительно прибыть на борт «Беркута». Для того, чтобы контрабандисты побыстрее шевелились, Варламов дал команду пулеметчику сделать несколько предупредительных выстрелов трассирующими пулями из тумбовой установки крупнокалиберного пулемета. Впрочем, этого можно было и не делать...

На застигнутых врасплох шхунах началась паника. Никто из их экипажей и не собирался оказывать сопротивление. На парусниках срочно начали спускать баркасы, в которые с палубы, как горох, посыпались насмерть перепуганные моряки. Через полчаса на кораблях-нарушителях не осталось ни одной живой души, а несколько шлюпок, битком набитых матросами, рванули в сторону берега.

– Ну что, Глеб Павлович, – спросил у Варламова его старший помощник, – приступим к экзекуции?

– Подожди чуть-чуть, – улыбнулся командир «Беркута». – Утопить их мы всегда успеем. Эх, жаль, что у нас нет призовой команды. Можно было бы тогда отправить наши трофеи в Ново-Архангельск и порадовать Адольфа Карловича Этолина.

– А что, если утопить одну шхуну, а другую взять на буксир и отвести ее в Ново-Архангельск? – предложил старпом. – Нам все равно надо будет туда зайти. Помнишь десяток ящиков, которые нам всучили перед выходом? Хошь не хошь, а доставить их по назначению придется.

– Хорошо, – махнул рукой Варламов, – готовь досмотровую группу. Надо будет проинструктировать наших головорезов, чтобы они смотрели в оба и не теряли бдительности. Пусть будут готовы ко всяким неожиданностям. Хрен его знает, может, на шхунах засело несколько отморожков, которые просто мечтают ухлопать парочку «висельников» из экипажа «Вестника смерти».

– Да нет, не должно никого остаться, – уверенно произнес старпом. – Я тут почитал в справке, которую подготовили для нас особысты. Мне потом самому стало страшно в зеркало смотреться – такие страсти-мордасти про нас понапридумывали.

– Ну ладно, даст бог, все будет нормально. Кстати, не забывай, что если все пройдет как надо, то нам выплатят за шхуну и за ее груз немалые призовые деньги. Только где мы их потратим?

– Были бы гроши, а куда их девать – найдем, – рассмеялся старпом. – Ну что, Глеб Павлович, пойдем, проинструктируем наших абордажников?

* * *

Вадим Шумилин уже привык к новым для него обязанностям и чувствовал себя в Калифорнии вполне уверенно. Конечно, человеку из будущего непривычно было наблюдать за повседневным бытом обитателей крепости Росс. Вадим словно оказался в группе реконструкторов, которые старательно разыгрывали сцены из жизни индейцев и ковбоев. Только индейцы здесь были самые натуральные, да и вакерос, гарцюющие на горячих мустангах, мало чем отличались от реальных ковбоев Дикого Запада.

Вадиму приходилось каждый день общаться с теми, кто занимался в русской колонии охраной ее рубежей. Банды «нехороших людей», разбитые «мышками» капитана (пардон, уже майора) Мальцева, теперь старательно обходили стороной владения Русско-Американской компании. Местное же начальство в Монтерее старательно демонстрировало дружелюбие и уважение к русским, которые, как выяснилось, не боялись никого и готовы были перебить хоть тысячу вооруженных до зубов янки. Сеньор Гонсалес зачастил в крепость Росс, рассыпаясь в любезностях перед Виктором Сергеевым, часто приватно с ним о чем-то толковал и, отправляясь назад в Монтерей, довольно потирал руки.

Виктор Иванович по секрету рассказал Вадиму, что речь у него с этим пройдохой шла о покупке и взятии в долгосрочную аренду значительных территорий Верхней Калифорнии.

– Понимаешь, Вадик, – объяснял Шумилину-младшему Сергеев, – я хочу заранее скупить или арендовать те места, где в нашей истории во время «Золотой лихорадки» были найдены самые богатые месторождения золота. Надо сразу брать быка за рога и срочно начинать промышленную добычу драгметалла. Нам абсолютно не нужно нашествие импортных старателей, которые явочным порядком займут наши земли и будут внаглую мыть наше золото. Чтобы этого не произошло, ты, вместе с казачками и кордонной службой, сформированной из местных жителей – тех, кому можно доверять на все сто, – к началу добычи золота должен укрепить наши границы, да так, чтобы через них не могли проскочить даже мелкие группы золотоискателей. Понимаю, Вадим, что задачу я тебе ставлю трудную, но если нам не удастся сдержать многотысячный поток людей, одержимых «золотой лихорадкой», то придется эвакуи-

ировать крепость Росс. Или запросить из будущего самое современное вооружение и устроить в этих диких краях такую бойню, что Чингисхан и Тимур на том свете перевернутся в гробу от зависти. Только слава этих «Потрясателей Вселенной» нам совершенно ни к чему.

– Я понимаю, Виктор Иванович, – ответил Вадим, потирая лоб, – и думаю, что нужно найти такой вариант, который был бы надежным с точки зрения безопасности, но в то же время не столь кровопролитным.

– Мысль интересная, – Сергеев, похоже, тоже уже подумывал о чем-то подобном. – Я уже запросил наших аналитиков из отдела «Х», и они обещали в самое ближайшее время прислать свои соображения на этот счет. Ну а пока ты, Вадик, давай, крутись, работай. Я тебе помогу, да и Рома Мальцев тоже поможет. Хоть он со своей молодой женой и проводит медовый месяц, но для помощи тебе время найдет. Мужик он головастый, может, тоже что-нибудь толковое подскажет.

– Кстати, – тут Виктор Иванович хитро улыбнулся, – ты переговори с Ромой и его Кончитой. Вдруг они и тебе найдут какую-нибудь черноокую сеньориту с хорошим приданым. Или, хочешь, я могу донну Исабель об этом поспрашивать?

Тут Сергеев, поняв, что сболтнул лишнее, слегка покраснел и снова начал обсуждать служебные дела...

А Вадима слова старого друга отца немного расстроили. По службе ему пришлось немало поездить по ранчо местных богатых ранчеро и перезнакомиться с их дочерьми, многие из которых выглядели даже весьма симпатично. Знойные сеньориты кокетливо поглядывали на красивого и стройного помощника главы русских владений в Калифорнии. Но Вадим не мог забыть великую княжну Ольгу Николаевну. Похоже, что и она его не смогла выкинуть из своей прелестной головки. Почти в каждое послание от отца была вложена и небольшая записочка от Ольги, в которой она передавала Вадиму сердечный привет и рассказывала о разных забавных случаях, произошедших в Зимнем дворце или в Гатчине, куда она регулярно ездила, чтобы пообщаться с младшей сестрой.

Вадим тоже писал ей небольшие послания, в которых делился впечатлениями о здешних нравах и сообщал Ольге о том, что очень скучает о тех, кто остался в Петербурге. Словом, это были обычные письма влюбленных.

Дела же в русской колонии шли своим чередом. Креол Степан и его дед, старый индеец Коготь Орла, познакомили Вадима с вождями помо. Те уже изъявили свое согласие перейти под руку Великого Белого Отца, живущего далеко-далеко на Закате за Большой Соленой Водой, и теперь желали окончательно разобраться, что русские хотели от помо, и что сами они, в свою очередь, могли бы получить от русских. Сергеев сказал им, что Вадим – сын главного советника Великого Белого Отца и храбрый воин. Вожди помо, несмотря на молодость Вадима, после этого с уважением встречали его и внимательно слушали слова «великого воина», родственника столь уважаемого человека.

Сергеев объяснил индейцам, что может произойти, если толпы золотоискателей хлынут на их земли. Вожди, хорошо зная алчную натуру бледнолицых, решили, что только с помощью русских они могут уцелеть и остаться жить на своей земле. И потому они сразу же согласились с предложением Вадима организовать патрулирование границ территорий племен и русской колонии, чтобы вовремя отследить появление тех, кто желает быстро разбогатеть, найдя золотую жилу на чужой земле.

Индейцы, обнаружив незваных гостей, должны были сразу же сообщать о них на ближайшую казачью заставу, где имелаась УКВ-радиостанция. Обученные ведению радиосвязи казаки, в свою очередь, передадут информацию в крепость Росс. А там уже Виктор Иванович Сергеев должен принять окончательное решение, в зависимости от количества пришельцев и их поведения.

Вариантов было несколько. Первый, мирный, – это если казаки и индейцы смогут сами управиться с золотоискателями и выставить их вон за пределы запретных для них земель. Второй, немирный, – если казакам будет оказано серьезное вооруженное сопротивление, или, если их количество окажется чересчур большим. Тогда в поддержку пограничников выдвинется подкрепление. Группу «вежливых людей» к району боестолкновения перебросит вертолет. Один Ми-8Т постоянно дежурил на импровизированном аэродроме рядом с крепостью, а второй обещали прислать в самое ближайшее время.

Виктор Иванович подумывал о том, чтобы соорудить качественную грунтовую взлетно-посадочную полосу и получить в свое распоряжение небольшой военно-транспортный самолет. Для начала вполне будет достаточно Ан-2 – машины надежной и простой в управлении и эксплуатации. Единственно, чего боялся Сергеев, это если, узнав о появлении в Русской Америке авиации, сюда рванется Надежда Шукина, девица отчаянная и своенравная.

Вадим же предложил Сергееву использовать в большем количестве беспилотники и коптеры. Они были не столь громоздкими, как вертолеты и самолеты, и давали неплохой обзор наземной обстановки. В самой же крепости строилась вышка, на которой должен был разместиться радиолокатор с круговым обзором. Виктор Иванович хотел, чтобы с его помощью можно было вести наблюдение за морем, и ни один чужой корабль не мог незамеченным подойти к крепости. На ней же Сергеев предполагал установить мощные оптические приборы для обзора местности, прилегающей к русскому форпосту в Калифорнии.

Словом, разных умных идей хватало, вот только людей, которые могли бы претворить их в жизнь, явно было маловато. Вадим не раз вспоминал любимое выражение Сталина: «Кадры решают всё». Все-таки умным человеком был «лучший друг физкультурников».

* * *

Неожиданно к Шумилину заглянул его старый знакомый, бывший слуга отравленной британцами графини Ливен. Мистер Джейкоб Уайт, он же Джакопо Бьянко, уже успел оказать русским спецслужбам немало важных услуг в ходе проведения ряда деликатных операций за рубежом. Корсиканец продолжал активно сотрудничать с ведомством Александра Христофоровича Бенкендорфа. Точнее, он имел дело не с самим графом, а с его заместителем, майором Соколовым. Старый вояка, несмотря на долгую службу в III отделении, так и не смог до конца привыкнуть к методам, которыми порой пользовались пришельцы из будущего, хотя умом понимал, что тайные спецоперации иной раз выходят за рамки общепринятых моральных норм. И потому граф принял соломоново решение – попросил майора Соколова не рассказывать ему о подробностях некоторых наиболее «острых» акций, проводимых Джакопо и его приятелями.

Шумилину нравился корсиканец. Он был ловок, находчив, а главное – предан стране, которая стала ему новой Родиной, и которой до последнего вздоха служила его покойная благодетельница графиня Ливен. Джакопо по старинному корсиканскому обычаю объявил вендетту тем, кто подло отравил графиню. И список виновных в ее гибели неуклонно сокращался.

Но к Шумилину сеньор Бьянко пришел не затем, чтобы получить очередное задание. Ведь «гэбэшными» делами, как называл Александр секретные операции, проводимые Олегом Шукиным и его будущим зятем, он не занимался. Видимо, визит Джакопо был сугубо личным. Корсиканец ценил ум и опыт Александра Павловича и не стеснялся советоваться с ним. Так оно и оказалось на этот раз.

Поздоровавшись, Джакопо не стал ходить вокруг да около, а с ходу изложил суть дела. Заклучалось же оно в следующем. От своих людей в Британии корсиканец узнал, что британский истеблишмент пришел к выводу, что не стоит пока задираить таинственных и могучих

«атлантов», а также союзных им русских. К тому же Британия оказалась втянута в две войны в Азии – в Афганистане и в Китае. И в этих войнах до полной победы было еще далеко.

Да, британцы одержали несколько побед, но в том же Афганистане они потерпели и несколько поражений. Да и с империей Цин не все еще было ясно. Китайский император и его губернатор на юге страны Цишань на начавшихся было переговорах согласились с требованиями британцев. Но император в последний момент неожиданно отказался от своих обещаний и не захотел платить английским купцам за уничтоженный опиум и возмещать Лондону военные издержки, равно как и отдавать остров Сянган².

Если не удастся победить с помощью грубой силы, британцы ищут возможность добиться поставленной цели с помощью коварства, хитрости и подкупа. Британская верхушка решила установить контакт с теми из пришельцев, кто обосновался в Новом Свете, а именно с Виктором Сергеевым. Хитрые англичане были готовы уступить ему и «атлантам», живущим на Аляске и в Калифорнии, часть подвластных Британии территорий, находившихся под контролем Компании Гудзонова залива. Ну и, если дружеские связи будут установлены, предложить Сергееву совместными усилиями отвоевать у мексиканцев обе Калифорнии – и Верхнюю, и Нижнюю. Таким способом британцы рассчитывали завоевать доверие «атлантов» и посеять семена раздора между ними и императором Николаем.

– Это они умеют делать, – сардонически улыбнувшись, произнес Джакопо. – Перессорить между собой всех, чтобы потенциальные противники британцев в жестокой схватке истощили друг друга. А потом легко справиться с ними.

– Потому-то Британия и набрала такую силу, – кивнул Шумилин. – Из всех европейских распрей она выходит победительницей. Только в данном случае британцы сильно ошибаются. Они рассчитывают нас переиграть? А что, может быть, стоит начать с ними игру. На английскую хитрость мы ответим византийским коварством! Ведь недаром нас называют в Европе византийцами.

– Сеньор Шумилин, – с любопытством спросил Джакопо, – а как вы собираетесь все это проделать?

– Нет-нет, – он замахал руками, заметив подозрительный взгляд Александра Павловича, – я спросил вас об этом потому, что если вам понадобится моя помощь, то я готов оказать ее в любой нужный для вас момент. Джакопо Бьянко помнит и добро, и зло. И для своих друзей он готов на всё. А вас, сеньор Шумилин, я считаю своим другом.

– Скажи, Джакопо, – Александр задумчиво повертел в руках шариковую ручку, а потом снова положил ее на стол, – у тебя есть знакомые в Североамериканских Соединенных Штатах?

– Конечно, есть. Мы, корсиканцы, народ бедный. И хотя мы очень любим свой остров, но он немного тесноват для нас. Потому некоторые из моих соотечественников вынуждены были уехать в поисках лучшей доли в Америку. Среди них оказался и кое-кто из моих родственников.

– Джакопо, не мог бы ты отправиться в Новый Свет и там выполнить несколько наших поручений? Нет, на этот раз никого не требуется отправлять к праотцам... Пока не требуется. Нужно будет создать агентурную сеть, которая имела бы выход на тех, кто правит САСШ.

– Я понял вас, сеньор Шумилин! – воскликнул корсиканец. – Вы хотите сделать так, чтобы британцы сцепились с американцами. А вы окажетесь в выигрыше. Я слышал, что вас называют «хитроумным Одиссеем». Вы и в самом деле похожи на этого героя Гомера...

– Так ты, Джакопо, готов отправиться через Атлантику? И ты не боишься, что тебя узнают британские агенты? По нашим данным, они охотятся за тобой по всему миру. За твою голову обещана немалая награда. Я боюсь, что кое-кто из твоих земляков может не удержаться от соблазна и продаст тебя, как Иуда Искариот продал Спасителя...

---

² Так Гонконг называется на пекинском диалекте.

– Сеньор Шумилин, – Джакопо даже немного обиделся, услышав слова о том, что он чего-то боится, – конечно, жизнь среди потомков каторжников повлияла не в лучшую сторону на нравы моих соотечественников. И потому я буду иметь дело лишь с теми, кому могу полностью доверять. А что касается британских агентов...

Тут Джакопо взмахнул рукой, и в его ладони, словно по волшебству, появился острый стилет, который через секунду снова нырнул в рукав сюртука корсиканца.

– Хорошо, Джакопо, – кивнул Шумилин. – Ты пока никому не говори о нашем с тобой разговоре. Я же дождусь полковника Щукина, и вместе с ним мы решим, как нам добиться задуманного. А ты пока посиди и подумай, кто еще из твоих доверенных лиц мог бы нам помочь в Новом Свете.

Простившись с Джакопо, Шумилин уселся за стол в своем кабинете и стал задумчиво смотреть в окно, выходящее в Гатчинский парк...

* * *

Игорь Пирогов стоял на палубе 56-пушечного фрегата «Аврора» и с удовольствием ловил лицом порывы соленого морского ветра. Сбылась наконец его мечта – пройти под парусами вокруг земного шара. Точнее, почти всего земного шара. Отряд русских кораблей под командованием контр-адмирала Нахимова, вышедший осенью из Либавы, сейчас пересекал Атлантический океан, направляясь к Рио-де-Жанейро. Взяв там пресную воду и провизию, отряд двинется к Магелланову проливу. Обогнув Южную Америку и выйдя в Тихий океан, русские корабли собирались нанести несколько визитов вежливости в порты стран, называемых в наше время латиноамериканскими, после чего посетить Гавайские острова и затем уже взять курс на Калифорнию.

Из крепости Росс часть русских кораблей направится в опорные точки России на Тихом океане – Петропавловск и Ново-Архангельск. Несколько кораблей будут находиться в крепости Росс. К сожалению, на Тихом океане у России не было достаточно хорошо оборудованной базы, в которой мог на постоянной основе расположиться даже небольшой отряд кораблей. Базу предстоит еще оборудовать. И лучше всего не одну. Например, арендовать гавани в заливе Сан-Франциско.

Но, конечно, не все сразу – Россия не располагала пока достаточным количеством средств, а главное – не хватало людей, которые могли бы заселить необъятные просторы Дальнего Востока и Русской Америки.

– О чем задумались, Игорь Сергеевич? – спросил у Пирогова лейтенант Краббе, незаметно подошедший к задумавшемуся человеку из будущего.

– Никола, – с досадой произнес Пирогов, – ведь мы договорились с тобой быть на «ты». И выпито на сей счет тоже немало. Так что давай без церемоний...

Краббе развел руками, дескать, извини, дружище, – запомятовал.

– Что же касается ответа на твой вопрос, Никола, то думаю я сейчас о том, что болваны те, кто считает русских сухопутной нацией. Если бы не политические кунштюки таких неприятных особ, как господин Нессельроде, то Россия давно бы освоила территории, к которым вышли наши предки еще два века назад.

– Я читал об этом, – задумчиво произнес Краббе. – Просто уму непостижимо – как горстка казаков, не имея не только карт, но даже представления о том, что находится впереди, упрямо двигались «навстречь солнцу», побеждая дикие племена, строя остроги, и, не имея никакого образования, от руки рисовали карты, писали свои «скаски», рассказывая об открытых ими землях.

– Именно так, Никола. А сейчас мы делаем то, что должны были давно уже сделать. Только у нас, в отличие от них, есть точные лоции, приборы и радиосвязь с Петербургом. Ну,

а если станет совсем не вмоготу, то по нашей просьбе откроется портал в будущее, и оттуда появится чудо-корабль, который поможет и спасет.

– Это, Игорь, если ты успеешь передать по вашей радиостанции просьбу о помощи. А если нет?

– А если нет, Николя, то мы поступим так, как должны поступать русские моряки – не сдаваться и держаться до последнего...

– Это ты о том, что на нас по дороге могут напасть британцы? – осторожно спросил Краббе.

– Думаю, что ничего подобного не должно произойти, – улыбнулся Пирогов. – Хотя чем черт не шутит, пока Бог спит... Кстати, Николя, что там говорит по этому поводу Самуил Иванович? Я знаю, что в нашей истории капитан-лейтенант Моффет станет адмиралом и будет командовать Гвардейским экипажем.

– Самуил Иванович пока доволен плаванием, экипажем и погодой. Он опытный моряк, совершивший на шлюпе «Моллер» кругосветное путешествие.

– Мы учли это, когда с контр-адмиралом Нахимовым обсуждали кандидатуры командиров кораблей, которые должны были составить основу нового Тихоокеанского флота. К тому же капитан-лейтенант во время своего путешествия (правда, тогда он был всего лишь мичманом) посетил владения Российско-Американской компании.

– А что ты скажешь по поводу фрегата, на котором мы сейчас находимся? – поинтересовался Краббе. – Мне кажется, что он тебе знаком, хотя, как я понимаю, в вашей истории от него давно уже ничего не осталось.

– От него осталась память, Николя. Помнишь, я как-то раз рассказывал тебе о войне, которую в 1853–1856 годах вела Россия против коалиции европейских государств? Тогда англичане и французы осадили Севастополь, и русское командование было вынуждено затопить корабли Черноморского флота и отправить моряков и их орудия на сухопутный фронт.

– Да, помню. На бастионах Севастополя погибло множество русских солдат и матросов. Да и контр-адмирал Нахимов погиб в бою, получив смертельное ранение в голову.

– Так вот, Николя, боевые действия велись не только на Черном море. С британцами и французами сражались и на Русском Севере, и на Тихом океане. И во время обороны Петропавловска-на-Камчатке отличились фрегат «Аврора» и его экипаж. Правда, командовал тогда им капитан-лейтенант Иван Изыльметьев. Сейчас он лейтенант и служит на Балтике.

– Вот, значит, как, – Краббе покачал головой и бережно погладил мачту фрегата. – Оказывается, Игорь, мы с тобой идем в дальний поход на героическом корабле.

– Флагманский корабль отряда, фрегат «Паллада», тоже хорошо известен в нашем времени. Я потом расскажу его историю. Очень познавательную, между прочим. А то, что на нем держит флаг Павел Степанович, тебе должно быть понятно...

– Еще бы, – улыбнулся Краббе, – на «Палладе» многие еще не успели забыть своего прежнего командира. Господин контр-адмирал восемь лет назад принял командование над этим фрегатом. Он сделал многое для того, чтобы корабль стал лучше приспособленным для дальних путешествий. К примеру, вместо деревянных бочек для хранения питьевой воды он потребовал установить квадратные цистерны из хорошо луженного железа. А вокруг нактоузов компасов железные гвозди палубного настила в радиусе восьми футов заменить медными. А ведь тогда Павлу Степановичу было всего тридцать лет, да и чин у него был невысокий – всего лишь капитан-лейтенант.

– Смотри, Николя, – Пирогов шутливо подтолкнул локтем своего собеседника, – на Тихом океане офицеры будут быстро расти в чинах. Не успеешь и глазом моргнуть, как на плечах у тебя появятся погоны с черными орлами.

– Да ладно, Игорь, – весельчак и балагур Краббе неожиданно стал серьезным. – Ты же знаешь, мы не за чины служим. Для нас, русских морских офицеров, долг – превыше всего. Правда, если наградят заслуженно или в чинах повысят, то это, не буду врать, тоже приятно.

– Ой, Николя, совсем заболтался я тут с тобой, – Пирогов взглянул на часы, – через пять минут у меня сеанс связи с Петербургом. Надо идти в радиорубку.

– Если ты не против, Игорь, я поприсутствую при сем священнодействии. Сколько раз уже видел, как вы разговариваете с теми, кто находится за сотни миль от вас, и все равно никак не могу привыкнуть.

– Нет, не против, Николя. Ты у нас ПОСВЯЩЕННЫЙ, тебе можно видеть и знать все. Только у меня единственная просьба – не мешай мне.

– Я буду нем, как рыба.

– Тогда за мной. Послушаем, что нам сообщат из столицы. Может, что-то важное.

* * *

В порт Ново-Архангельска вошел старый знакомый – сторожевой корабль «Беркут». Он пришел не с пустыми руками – на буксире сторожевик привел в столицу Русской Америки захваченную в море шхуну «Флайинг фиш», с контрабандным грузом в трюме. Владелец шхуны вез индейцам две сотни кремневых ружей, сотню бочонков с порохом, свинец для литья пуль и запасные кремни. Кроме огнестрельного оружия в трюме нашли ящики с ножами и бочонки с виски. Словом, все найденное на шхуне подлежало конфискации, как и сама шхуна. Принадлежность же судна сразу выяснить не удалось, так как ее капитан перед тем, как покинуть шхуну, предусмотрительно выбросил за борт все судовые документы.

Главный правитель Русско-Американской компании Адольф Карлович Этолин был очень рад приходу корабля из будущего. К тому же он пришел не с пустыми руками. Так что в этот день в Ново-Архангельске был двойной праздник. Организовав разгрузку трофеев с захваченной «Беркутом» шхуны, Адольф Карлович, как радушный хозяин, пригласил в гости капитана 3-го ранга Варламова, чтобы угостить его ужином и заодно обсудить текущие дела.

– Вижу, Глеб Павлович, вы уже успели поохотиться на славу, – улыбнулся Этолин. – Кто на этот раз пытался пристать к нашим берегам?

– Судя по ассортименту, Адольф Карлович, незваные гости прибыли в наши края из Британии. Доподлинно известно, что шхуна носит название «Флайинг фиш», и порт ее приписки – Ливерпуль. Экипаж сбежал с корабля во время задержания. Так что мы имеем в наличии лишь саму шхуну и ее груз.

– Отлично, – Этолин азартно потер руки. – Давайте присядем за стол, перекусим и заодно выпьем за вашу удачу.

Когда офицеры выпили и закусили, правитель Российско-Американской компании аккуратно промокнул салфеткой губы и сообщил гостю:

– И корабль, и груз мы, конечно, конфискуем. Шхуна нам пригодится, а товар мы пустим на свои нужды. Я попрошу вас, Глеб Павлович, доложить обо всем рапортом. Потом мы проведем инвентаризацию груза и оценку судна. По закону вам положены призовые деньги, причем немалые. Правда, ждать их придется довольно долго. Вы ведь знаете, как медлительны наши бюрократы.

– Ничего страшного, Адольф Карлович. Думаю, что, получив от нас донесение по радиации, государь тут же примет решение и самолично проконтролирует, чтобы питерские чиновники оформили все надлежащим образом и как можно быстрее.

– Виноват, Глеб Павлович, я совсем забыл о том, что мы теперь можем моментально связаться с Санкт-Петербургом и в тот же день сообщить государю о том, что происходит в наших краях.

– Именно так, Адольф Павлович. А как у вас дела? Как ведут себя колоши? Мы слышали, что они собираются выйти на тропу войны?

– Ходят об этом слухи, – Этолин перестал улыбаться и нахмурился. – Разведчики, посланные в земли колошей, сообщили мне, что по стойбищам индейцев бродят какие-то подозрительные люди, подстрекающие их к нападению на наши фактории. Они предлагают им объединиться и попытаться напасть на Ново-Архангельск. Эти люди обещают помочь индейцам оружием и боеприпасами. Похоже, что шхуна, которую вы сумели захватить, и везла обещанную помощь.

– Адольф Павлович, – заметил Варламов, – там была еще одна шхуна. Но мы ее потопили – два парусника нам было бы трудно вести на буксире. А призовой команды, которая умела бы управляться с парусами, у нас нет. Пришлось ее сжечь.

– Жаль, очень жаль, – вздохнул Этолин. – Хотя, конечно, хорошо, что вы все же перехватили эти корабли с их грузом. К сожалению, даже если я бы и захотел, то вряд ли смог найти вам моряков для призовой команды. У меня есть опытные промышленники, которые на утлых байдарках отправляются в море на добычу морского зверя. А вот с парусами они управляться не умеют. Надо будет поискать моряков для экипажа захваченной вами шхуны.

– Мы скоро отправимся в крепость Росс, – сказал Варламов. – Можно поискать матросов там. Пока же мы хотели бы встретиться со штабс-капитаном Лермонтовым. У нас есть груз для него и его подчиненных.

– Я сейчас прикажу найти штабс-капитана и приглашу его сюда.

Этолин вызвал слугу и дал ему надлежащее распоряжение. Потом он снова сел за стол и начал расспрашивать гостя о делах столичных.

Варламов рассказал, что к берегам Аляски движется отряд контр-адмирала Нахимова. В его составе два десятка кораблей, как боевых, так и транспортов, которые должны будут по прибытии взять под охрану наши территориальные воды. Да и само их присутствие заставит всех, кто уже подзабыл о русском присутствии на Тихом океане, вспомнить о нем.

– По последним данным корабли отряда, после недолгой стоянки в Рио-де-Жанейро, вышли в море и направляются к мысу Горн. Путешествие проходит без неприятных сюрпризов, британцы, как ни странно, даже не пытаются помешать движению наших кораблей. Правда, за отрядом на почтительном расстоянии одно время следовали несколько английских быстроходных корветов. Но они вели себя скромно и ограничивались наблюдением за русскими кораблями. Сейчас они отстали – видимо, британцы не готовы продолжить свое наблюдение после того, как мы обогнем мыс Горн и выйдем в Тихий океан.

– Ну и слава богу, – удовлетворенно произнес Этолин. – Будем ждать контр-адмирала Нахимова. Скоро у нас появится свой флот на Тихом океане. Ох, как это разозлит наших недоброжелателей!

– Ваше высокоблагородие, штабс-капитан Лермонтов прибыл, – доложил вошедший в кабинет слуга. – Прикажете пригласить?

– Да, братец, будь любезен, пригласи, – сказал Этолин. – И принеси нам еще один прибор.

Капитан 3-го ранга Варламов с любопытством взглянул на вошедшего офицера. Тот был меньше всего похож на знаменитый портрет великого поэта. Лермонтов был одет в «цифру»³, с пистолетом Ярыгина в кобуре. Внешне – типичный «спец» из «студенческого стройотряда»⁴.

– Вы хотели видеть меня, Адольф Карлович? – спросил Лермонтов.

Этолин поморщился. Как человек, с детства воспитанный в военном учебном заведении, он был приучен к строгой субординации и соблюдению всех правил общения младших

---

³ «Цифра» – камуфляж, рисунок которого состоит из однотонных прямоугольников, перемешанные в полном беспорядке, но со строгим соблюдением горизонтальности и вертикальности сторон.

⁴ Так часто называют бойцов ССО – Сил специальных операций РФ.

по званию со старшими. Но, похоже, наступили новые времена, и о некоторых вещах придется забыть.

– Да, Михаил Юрьевич, – сказал он, – проходите, присаживайтесь. Сегодня в Ново-Архангельск пришел сторожевой корабль «Беркут». По пути сюда он утопил одну шхуну с военной контрабандой. Вторую наши друзья из будущего захватили и привели на буксире в порт в качестве приза.

– Отлично, Адольф Карлович, – кивнул Лермонтов. – По сведениям, которые нам удалось получить от наших агентов, колоши готовят вооруженное выступление. Они ждали эти шхуны, чтобы вооружить ружьями как можно больше своих воинов. Значит, их ожидания оказались напрасными. Хочу вас предупредить – колоши в любом случае поднимут мятеж. Поэтому, Адольф Карлович, вам следует быть готовым ко всему. Мы, конечно, сумеем оказать вам необходимую помощь, но индейцы настроены решительно. Мы постараемся вовремя предупредить вас, чтобы колоши не застали врасплох. Может быть, есть смысл попросить подкрепления у наших друзей из будущего?

– Михаил Юрьевич, – сказал Варламов, – я немедленно доложу о готовящемся выступлении индейцев в крепость Росс. Пусть Виктор Иванович Сергеев примет окончательное решение. У него есть постоянная связь с Петербургом XXI века. Думаю, что помощь вам будет оказана своевременно. Кроме того, Михаил Юрьевич, следует немедленно сгрузить с моего корабля грузы, которые направлены в ваше распоряжение. Это автоматические 82-миллиметровые минометы «Василек» с боезапасом. Думаю, что они будут вам весьма кстати.

– Я видел их во время пребывания в будущем, – кивнул Лермонтов. – Это прекрасное оружие. Дальность стрельбы – четыре версты. С помощью этих минометов можно на большом расстоянии рассеять скопление индейцев и не допустить их до стен Ново-Архангельска.

– На «Беркуте» прибыли и специалисты по обслуживанию «Васильков». Они помогут вам научиться вести огонь из минометов.

– Господа, – озадаченно произнес Этолин. – Сказать по чести, я не совсем понимаю, о чем идет речь. Но я вполне доверяю господину штабс-капитану. Могу лишь обещать вам, что в случае необходимости я окажу вам всю необходимую помощь. Михаил Юрьевич, а когда следует ждать выступления колошей?

– Они ждали прибытия шхун с оружием и боеприпасами. Как только они узнают о том, что эти шхуны не придут – а они, наверное, об этом уже узнали, – тогда и выступят. Так что следует поторопиться и подготовиться к бою.

– Все ясно, Михаил Юрьевич, – произнес Варламов. – Я немедленно отправлюсь в порт и лично прослежу за разгрузкой минометов.

– Я пойду с вами, Глеб Павлович, – сказал Этолин.

– И меня не забудьте, господа, – добавил Лермонтов. – Ведь то, что будут сегодня выгружено с «Беркута», предназначено в первую очередь мне...

* * *

– Любимый, к нам едут гости! – воскликнула Кончита, увидев на дороге, ведущей к ранчо, столб пыли.

– Не беспокойся, это дон Виктор, – ответил майор Мальцев, ласково погладив жену по щеке. – Он утром сообщил мне об этом по рации. Надо позвать твоего отца. Думаю, что глава русской колонии без причины к вам не приехал бы. Ведь сейчас у него очень много работы.

– Ну, милый, у тебя ее тоже хватает, – улыбнулась Кончита. – Иди, встречай его, а я схожу, сообщу о его приезде отцу.

Виктор Сергеев вылез из «тигра» и дружески пожал руку дону Франсиско. Обнимать он его не стал – после тяжелого ранения хозяин ранчо был еще слаб и старался не делать резких движений.

Потом Сергеев поздоровался с майором и его супругой. Вслед за ним из машины выбралась донья Исабель. Она сразу же стала оживленно болтать о чем-то с Кончитой. Потом тетушка и племянница извинились перед мужчинами и ушли в дом, чтобы там без помех продолжить разговор о своем, о женском.

А хозяин пригласил гостя и зятя в свой кабинет. Велев слуге принести фрукты и три чашечки горячего шоколада, дон Франсиско прикрыл дверь и с любопытством посмотрел на Сергеева.

– Я очень рад вас видеть, дон Виктор. Я понимаю, что вы приехали ко мне не просто так. Знайте – если вам понадобится моя помощь, то вы можете на меня рассчитывать.

– Дон Франсиско, я тоже рад вас видеть, – ответил Сергеев. – И вы правы – мне действительно нужен ваш совет. Суть же дела заключается в следующем. В самое ближайшее время в Калифорнию через портал перебросят технику и людей для добычи золота. В первую очередь мы начнем золотодобычу на территории нашей колонии. Но если вы, дон Франсиско, не возражаете, то мы могли бы искать золото и на вашей земле. Сразу хочу вас предупредить – дело это хотя и выгодное – часть добытого золота будет передана вам, но и хлопотное – узнав о том, что на вашей земле найден драгоценный металл, к вам хлынут желающие быстро разбогатеть. И это будут не только гамбусинос, но и откровенные бандиты, которые не будут ковыряться в земле, а попытаются решить все вопросы с помощью пистолета и ножа.

Хозяин ранчо задумался. Он прекрасно понимал, что его решение может взорвать ту относительную тишину и спокойствие, которое наступило в его владениях после недавнего разгрома банды американцев. Но, с другой стороны, дон Франсиско знал, что так долго продолжаться не может. Рано или поздно, но «великое переселение народов» все же начнется, и сдержат превратившихся в диких зверей золотоискателей будет невозможно. Ему невозможно... А если не только ему одному?

Дон Франсиско вздохнул. Он понял, что его друг и спаситель предлагает ему покровительство и защиту. Во время своего путешествия в будущее он своими глазами увидел, насколько могущественны люди XXI века. Только, пожалуй, они одни смогут сдерживать незваных гостей. А золото... Пусть оно достанется любимой дочери и ее мужу. Ну, и их детям – его внукам...

– Хорошо, дон Виктор, – сказал сеньор Диас. – Я согласен. В конце концов, я ведь уже решил отдать все свое имущество Кончите и Романито. Как ты считаешь, – дон Франсиско вопросительно посмотрел на зятя, – я принял правильное решение?

– Да, вы решили правильно, суэгро⁵, – кивнул Мальцев. – Я могу обещать, что земля ваша будет в полной безопасности. На окраине ваших владений я хочу расположить казачью заставу. И в случае опасности те люди, которые не так давно защитили от врагов ваше ранчо, будут так же храбро защищать и все, что находится на вашей земле.

– А вообще же, дон Франсиско, – подвел итог немного затянувшейся беседы Сергеев, – мне удалось договориться с вашим губернатором об аренде новых территорий в Верхней Калифорнии, в том числе и земли вокруг залива Сан-Франциско. Там мы решили построить большой порт. Кроме того, мы купим пустующие земли и в других районах, а также примем под свое покровительство некоторые индейские племена.

– Значит ли это, дон Виктор, – покачав головой, спросил сеньор Диас, – что со временем вы создадите что-то вроде «Нового Техаса» и, возможно, отторгнете от Мексики ставшую уже фактически вашей Верхнюю Калифорнию?

---

⁵ Тесть (исп.).

– У нас нет таких намерений, дон Франсиско, – успокоил хозяина Сергеев. – Но ведь вы знаете, как развивались события в нашей истории. Янки начнут войну с Мексикой через шесть лет и отберут половину ее территории. А после этой, неудачной для Мексики войны американцы станут считать себя хозяевами всего континента, снова и снова повторяя такие любимые ими слова о «божественном предназначении» Соединенных Штатов.

Нам категорически не хотелось бы, чтобы подобные события произошли и в вашей истории. Поэтому-то мы и хотим взять под свое покровительство территорию Верхней Калифорнии, а если получится, то и Нижней. Принадлежность этих земель Мексике мы не оспариваем. Права всех мексиканцев, проживающих на этих территориях, также не будут нарушены. Скорее, наоборот. Граждане Мексиканской республики окажутся под покровительством Российской империи и будут пользоваться всеми благами цивилизации.

– Дай бог, чтобы все это было именно так, – вздохнул дон Франсиско. – Я верю вам, но как ко всему, о чем вы мне только что рассказали, отнесется ваш император? Ведь многие из его подданных не имеют личной свободы. Я имею в виду крестьян.

– Дон Франсиско, – усмехнулся Сергеев, – император Николай принял решение – в Русской Америке не будет крепостных. Все приехавшие сюда сразу же получают волю, так же как и члены их семей. Так что мексиканцам, которых примет под свое покровительство Россия, ничего не грозит. К тому же у них будет выбор – если они не согласятся жить на территории, находящейся под протекторатом Российской империи, они могут свободно уехать в любое другое место, продав свое имущество по справедливой цене и получив соответствующую компенсацию и подъемные.

– Это правильно, – кивнул дон Франсиско, – думаю, что многие с удовольствием перейдут под ваше покровительство. Конечно, будут и недовольные, но их окажется не так уж и много.

– Я понимаю, дон Франсиско, – прощаясь, сказал Сергеев, – вы еще не совсем оправились после тяжелого ранения. Но не могли бы вы пригласить к себе на ранчо некоторых своих знакомых, достаточно влиятельных людей, с которыми вы бы аккуратно прозондировали почву, в общих чертах рассказав о возможных вариантах развития событий? Если эти люди достаточно умные, то они сами примут правильное решение. Неплохо было бы переговорить и с действующими политиками из Мехико. Как мне кажется, им тоже будет весьма интересно познакомиться с нами. Но это все потом, а пока вы поправляйтесь. Я велел вашему зятю следить за вашим здоровьем и в случае необходимости по рации вызвать из крепости медика.

– Большое спасибо, дон Виктор, – сеньор Диас дружески приобнял за плечи своего гостя. – Я до конца дней своих буду помнить, что вы спасли жизнь мне, моей дочери и всем моим близким.

– Кстати, – дон Франсиско с лукавой улыбкой шепнул на ухо Сергееву, – мне кажется, что мы скоро станем еще ближе друг другу. Я имею в виду донну Исабель. Если вы попросите у меня ее руки, то я обещаю, что вы получите положительный ответ.

Мужчины рассмеялись и направились к выходу из дома.

«Мы поняли друг друга, – подумал Виктор Сергеев. – Надо ковать железо, пока оно горячо. Завтра же доложу об этой беседе Шурику Шумилину. А может быть, пригласить его посетить на денек-другой крепость Росс? Пусть он осмотрит все своими глазами. И потом скажет свое веское слово. Да, именно это я ему и предложу...»

* * *

– Ну не ожидал я от вас такого, не ожидал! – император Николай укоризненно покачал головой. – Вы же уже не мальчик, который рвется в бой, и не юный корнет, желающий побыст-

рее заработать новый чин и первый орден. Вы же понимаете, что там, куда вы собираетесь, бывает опасно...

– Ваше величество, Николай Павлович, – Шумилин попытался воззвать к разуму собеседника. – Я хочу отправиться в крепость Росс не для того, чтобы полюбоваться на природу или поискать острых ощущений. И даже не для того, чтобы повидаться с сыном. Мне надо правильно оценить ситуацию, которая сложилась на данный момент в Верхней Калифорнии, и переговорить со своим старым другом Виктором Сергеевым.

– Но ведь вы можете, в конце концов, переговорить с ним по радиации, – император, похоже, начал колебаться. – Впрочем, определенные резоны в том, что вы сейчас сказали, есть. Если все же мне не удастся вас отговорить от этой поездки, то хотелось бы, чтобы вместе с вами в крепость Росс отправился кто-нибудь из близких мне людей. Так будет легче сравнить ваши впечатления от увиденного и принять правильные решения.

– А я что, против? – пожал плечами Шумилин. – Только кого вы можете предложить мне в спутники? Цесаревич Александр Николаевич в данный момент готовится к свадьбе, так что его кандидатура сразу отпадает. Неплохо было бы взять с собой великого князя Константина Николаевича. Правда, ему всего тринадцать лет, и он не очень хорошо разбирается в политике и людях.

– Может быть, следует отправить его в Калифорнию вместе с его воспитателем, контр-адмиралом Федором Петровичем Литке? – предложил Николай. – Он человек опытный, совершил два кругосветных путешествия, бывал, причем не раз, и на Камчатке, и в Русской Америке.

– Адмирал Литке – достойный человек, – кивнул Шумилин. – Только вот я чего опасуюсь... Не станет ли он своим авторитетом давить на того же Виктора Сергеева и Адольфа Карловича Этолина? А если на Тихий океан прибудет отряд контр-адмирала Нахимова, то не возникнет ли конфликт между этими двумя, несомненно, выдающимися моряками? Ведь если по чинам Литке и Нахимов равны, то по старшинству Федор Петрович выше Павла Степановича...

– Гм, я не думаю, что все будет именно так, – император замолчал, видимо, взвешивая все «за» и «против». – Хотя бог его знает – у моряков ведь свои амбиции и понятия о субординации. Кого же вы посоветуете взять с собой в Калифорнию?

– А что, если предложить совершить со мной небольшое путешествие графу Киселеву? – предложил Шумилин. – Он, конечно, очень занят в своем комитете и министерстве⁶, но пару недель его подчиненные, пожалуй, вполне смогут обойтись без него. К тому же у графа есть немалый опыт государственного строительства – вспомните его работу по управлению Дунайскими княжествами.

– Вы говорите, граф Киселев? – задумался Николай. – Что ж, я не против. Только придется его полностью посвятить во все, что касается машины времени. Я подробно расскажу ему о том, как в нашей жизни появились пришельцы из будущего, и дам Павлу Дмитриевичу соответствующие наставления. Думаю, Александр Павлович, вы найдете с ним общий язык. Я приглашу графа сегодня вечером к себе. Вы уже с ним немного знакомы, так что мы сразу перейдем к делу и вместе расскажем ему о том необычном путешествии, которое ему предстоит совершить.

– Эх, Александр Павлович, – настроение у императора явно улучшилось, и он довольно потер руки, – если бы вы только знали – как я вам завидую! Мне всегда хотелось побывать в удивительных землях, о которых рассказывали знаменитые путешественники. Только, похоже, что вряд ли мне удастся это сделать. Хотя, – тут Николай неожиданно подмигнул мне, – я

---

⁶ В 1841 году граф Павел Дмитриевич Киселев возглавлял V отделение СЕИВК, занимающееся вопросами крестьянской реформы, и был министром государственных имуществ.

побывал там, где никто из моих знакомых мореплавателей и землепроходцев не был. Я был в будущем.

– А мне, государь, – сказал Шумилин, – всегда хотелось взглянуть хотя бы одним глазом на Русскую Америку. Еще больше мне хочется сделать так, чтобы она навсегда осталась русской. И мы с Виктором Ивановичем приложим все усилия, чтобы так оно и случилось.

– Я с вами не спорю, Александр Павлович, – кивнул император. – Только бы желательно, чтобы все обошлось без кровопролития. Уж очень мне жалко бедных мексиканцев, с которыми в вашей истории так жестоко и подло обошлись американцы, отобрав у них половину страны. Мы ведь не поступим с ними так же?

– Нет, государь, мы не претендуем на половину Мексики. Нам нужны лишь еще неосвоенные и практически безлюдные участки ее территории. К тому же мы заплатим за все немалую арендную плату.

– Хорошо, – согласился император, – я знаю, что вы не способны на нечестные поступки.

Николай подошел к Шумилину и приобнял его за плечи. Императору вдруг захотелось сделать что-то хорошее этому пожилому и сильно уставшему – Николай заметил мешки под глазами и покрасневшие от бессонницы глаза – человеку из будущего.

– Александр Павлович, может быть, вам потом, когда вы вернетесь из Русской Америки, немного отдохнуть? Отправитесь в деревеньку вашего друга Виктора Сергеева, поживете там, забудете о всех делах...

Шумилин криво усмехнулся. Ага... Зимой можно и на лыжах покататься, и поохотиться... Только подобные варианты не для него.

– Государь, я весьма благодарен вам за вашу заботу обо мне. Только вряд ли я смогу забыть о всех делах, которыми я занимаюсь, и о своих друзьях, которые находятся сейчас и в прошлом, и в будущем. Да и вы сами из той же породы, что и все мы. Для вас дело – прежде всего. Так что...

Николай снова приобнял Шумилина за плечи.

– Знаете, Александр Павлович, давайте-ка забудем сегодня о всех наших делах? Я приглашаю вас к ужину. Побудете немного в кругу моей семьи, поговорите с императрицей и с нашими детьми. Вы согласны?

– Согласен, – кивнул Шумилин. – Пожалуй, так и в самом деле будет лучше... Сегодня вечером, государь, я полностью в вашем распоряжении...

* * *

– Гусар, я Ник, группа, семь человек, все с оружием. Четыре индейца и трое белых. Идут в вашу сторону. Как меня понял, прием...

– Ник, я тебя понял, веди наблюдение. Проверь, нет ли еще одной группы. Будь на связи. Прием.

Штабс-капитан Лермонтов осторожно выглянул из укрытия. Уже светало, и сквозь предрассветную тьму проступали заснеженные контуры деревьев. Самое подходящее время для нападения. Дозорные, всю ночь напряженно вглядывавшиеся в темноту, утомлены, и их веки закрываются сами собой. Бдительность теряется, и человек может и не заметить подкрадывающихся к нему врагов.

Группа Лермонтова – позывной «Гусар» – была послана на перехват группы вышедших на тропу войны индейцев колошей. Ее заметил вчера беспилотник, облетающий лесной массив у лесной фактории РАК. В последнее время участились нападения индейцев на объекты, принадлежащие Российско-Американской компании. Поэтому штабс-капитан Лермонтов, доложив о появлении подозрительных лиц графу Бенкендорфу и правителю РАК капитану 1-го

ранга Этолину, собрал группу «вежливых людей» и отправился к фактории, которая, похоже, и была целью незваных гостей.

Группа состояла из шести человек. Кроме Лермонтова в нее входили четыре «спеца» из XXI века и один казак-пластун, получивший позывной «Кистень». Урядник Семен Грибов блестяще владел этим старинным разбойничьим оружием. После соответствующей подготовки Лермонтов решил включить казака в свою группу.

Старший лейтенант Никифоров (позывной «Ник») и Кистень, одетые в зимние маскировочные костюмы, расположились на пригорке у тропинки, ведущей к фактории. Четверо остальных устроились на горушке, с которой хорошо были видны все подходы к фактории. Два пулемета «Печенег», четыре автомата и бесшумная снайперская винтовка «Винторез» – всего этого было вполне достаточно, чтобы справиться с дюжиной индейцев или трапперов. При этом следовало учитывать, что и те, и другие чувствовали себя в лесу как дома, метко стреляли и неплохо орудовали ножами.

Выходя на тропу войны, колоши надевали кожаные рубахи-безрукавки, сшитые из двух слоев шкуры лося или оленя-карибу. Сверху эти индейские «кирасы» обивались вертикальными рядами медных матросских пуговиц и китайских монет. Были у них и знаменитые тлинкитские доспехи и шлемы, изготовленные из дерева, которые выдерживали удары сабель и топоров. Иногда их не могли пробить даже мушкетные пули, особенно если они были выпущены с большого расстояния.

Противник у «вежливых людей» был серьезный. К тому же Адольф Карлович Этолин попросил штабс-капитана Лермонтова по возможности раздобыть «языка». Правителю РАК хотелось узнать о дальнейших планах индейцев, а также о том, кто именно науськивает их на русские поселения.

Дозорная группа с помощью приборов ночного видения обнаружила противника уже под утро. Лермонтова заинтересовало то, что в составе вражеского отряда были и белые. Обычно индейцы старались не брать с собой в набег чужаков. Значит, имелись какие-то достаточно веские причины, чтобы они появились в составе отряда.

Лермонтов вызвал на связь своих бойцов и дал им всем указание – по возможности взять хотя бы одного из трех европейцев, готовившихся напасть на факторию. А в том, что такое нападение последует, уже не было никаких сомнений. Не доходя пару сотен шагов до выхода из леса, индейцы и их спутники остановились. Посоветовавшись немного, они отправили двоих разведчиков, которые начали внимательно изучать подходы к фактории – небольшому домику, сложенному из толстых бревен, складу с товарами и навесу для лошадей.

Уже совсем рассвело, и в бинокль Лермонтов мог хорошо рассмотреть вражеских разведчиков. Один из них был индейцем. На голове у него был надет деревянный шлем, изображающий морду какого-то фантастического чудовища. Поверх обычной одежды на груди колоша виднелась импровизированная кираса, изготовленная из вертикальных дощечек. Через плечо была переброшена перевязь, с ножами для двухклинкового боевого кинжала. В руках индеец держал длинное кремневое ружье. Одет колош был легко – воинов с детства приучали к холоду, заставляя мальчиков купаться в проруби и спать на снегу.

Его спутник был одет в теплую кожаную куртку мехом наружу, высокую меховую шапку и кожаные же штаны. Европейец стоял, опираясь на длинное ружье, и внимательно рассматривал факторию.

Видимо, увидев все, что ему было нужно, он отправился к основной группе, а индеец, укрывшись за деревом, продолжал вести наблюдение.

– Группа, к бою! – скомандовал Лермонтов. – Огонь по моей команде!

Пулеметчики взяли под наблюдение протоптанную в неглубоком снегу тропинку, ведущую из леса к фактории. Дозорная группа должна была подтянуться и перекрыть отход вра-

жеской группы через лес. Ник на всякий случай сообщил, что установит на лесной тропе растяжку с гранатой Ф-1.

Вскоре вся «великолепная семерка» собралась на опушке леса. Посовещавшись, индейцы и трапперы рассыпались цепочкой и, пригнувшись, начали двигаться в сторону фактории.

– Огонь! – скомандовал Лермонтов.

Затрещали пулеметы и короткими очередями забили автоматы. В первые же секунды боя было уничтожено четверо из нападавших.

Трое – два белых и один индеец – успели упасть на землю и укрыться в высокой сухой траве. Надо было как-то выкурить их оттуда.

– Дрозд, у тебя «гвозди» есть? – спросил по рации Лермонтов.

– Парочку найду, – ответил Дрозд – в миру капитан Дрозденко. – Ты думаешь довести наших друзей до слез?

– Ага, пусть понюхают «Сирень», – Лермонтов усмехнулся, вспомнив, как в учебном центре он впервые познакомился с действием газа CS. Это было нечто. Хватив небольшую концентрацию этого газа, он почувствовал дикое жжение в глазах, носу и во рту. Потом начался сильный кашель и боль в груди. Трое счастливиц, отлеживавшихся сейчас в траве, получают «райское наслаждение»...

Глухо ухнул подствольник, и ВОГ «Гвоздь» – граната, снаряженная газом CS, – плюхнулась в то место, где скрывались уцелевшие бандиты. Вторая граната легла немного в стороне. Через пятнадцать секунд облако дыма окутало место падения гранат.

Вскоре из этого облака слышались дикие вопли и проклятия. Два европейца, пошатываясь, поднялись из травы. Они заходились в громком кашле и отчаянно скребли лицо руками.

Дождавшись, когда облако дыма рассеется, Лермонтов и капитан Дрозденко – только у них оказались при себе противогазы – осторожно приблизились к двум завывающим от боли фигурам. Наглотававшиеся «Сирени» люди были абсолютно беспомощны. Даже если бы они и захотели, то вряд ли бы смогли оказать сопротивление.

Вскоре был найден и труп индейца. Колош, видимо, желая избавиться от дикой боли, заколол себя кинжалом. Снег вокруг него покраснел от крови.

– Ну, вот и все, – произнес Лермонтов. – Потерь у нас нет, фактория цела-целехонька. Есть два «языка», которые скоро придут в себя и, как мне кажется, откровенно нам обо всем поведают. Ник, сообщи о случившемся в Ново-Архангельск. Пусть вышлют нам навстречу телегу или сани. Мне почему-то не очень хочется тащить на себе этих джентльменов. А сами они передвигаться вряд ли смогут...

– Сейчас сделаем, – ответил старший лейтенант Никифоров.

Он включил рацию и стал вызывать столицу Русской Америки...

* * *

Александр Павлович Шумилин попал, что называется, с корабля на бал. Он собирался немного погостить вместе с графом Киселевым в Ново-Архангельске, а потом, разобравшись с делами на Аляске, заглянуть в крепость Росс. Павел Дмитриевич был уже знаком с ним и знал, кто он и откуда появился в этом мире. Граф с любопытством наблюдал за тем, как в воздухе возник межвременной портал, и смело шагнул из прошлого в будущее. Правда, погостить Киселеву в XXI веке не удалось. Неутомимый изобретатель Антон Воронин сумел добиться новых успехов. Теперь можно было открыть портал в прошлом или будущем практически в любой точке земного шара. А потому, встретившись в промежуточной точке перехода с Олегом Щукиным и наскоро переговорив с ним, путешественники во времени дождались, когда портал вновь откроется и в сияющем овале появятся контуры строений Ново-Архангельска.

Их уже ждали – у выхода из портала стояла группа людей в форме николаевских времен и в пятнистых камуфляжах. Приглядевшись, Шумилин узнал правителя РАК капитана 1-го ранга Этолина, Лермонтова и флигель-адъютанта Константина Бенкендорфа. Увидев рядом с Шумилиным импозантную фигуру графа Киселева, в генеральском мундире с аксельбантом, Адольф Карлович Этолин стал во фронт и доложил:

– Ваше сиятельство, позвольте приветствовать вас в Русской Америке! Мы не знали ничего о вашем прибытии, и потому прошу извинить, что мы не встретили вас со всеми положенными вам почестями...

– Не беспокойтесь, Адольф Карлович, – добродушно произнес Киселев. – Мы прибыли сюда с господином Шумилиным в качестве наблюдателей – прошу вас заметить, наблюдателей, а не ревизоров. Государь поручил нам лично ознакомиться с положением дел в наших заокеанских колониях. В общих чертах мы знаем, что здесь происходит. Но человеческий глаз гораздо больше позволит понять все происходящее, чем дюжина самых подробных донесений. И еще – хочу отметить, что мы с уважаемым Александром Павловичем направлены сюда в качестве равноправных наблюдателей, и после окончания нашей миссии мы подготовим государю два отчета. Так что прошу отнестись к господину Шумилину со всем уважением.

– Ваше превосходительство, – произнес Лермонтов, – многие из нас уже знакомы с Александром Павловичем, и никому из нас не придет в голову непочтительно вести себя в его отношении.

– Ну, вот и отлично, – похоже, что Киселев был в хорошем настроении и не стал делать замечание какому-то там штабс-капитану, который посмел лезть поперед батьки в пекло. – Ну, показывайте, как тут вы живете, на родине картошки, которую я сейчас заставляю сажать наших крестьян.

– Картошку здесь не сажают, ваше сиятельство, – произнес Этолин. – Да и заботы у нас несколько другие. Хочу уведомить вас, что мы находимся на вершок от начала войны с колошами. Причем за спиной воинственных индейцев находятся наши соседи. На днях отряд под командованием штабс-капитана Лермонтова уничтожил группу злодеев, нападавших на наши фактории и на охотников, заготавливавших звериные шкурки. Среди них были и колоши, и белые американцы. Двоих нам удалось взять в плен.

– Вы уже их допросили? – спросил Шумилин. – Надо узнать, кто они и кто поручил им вывести колошей на тропу войны. И все их показания тщательно задокументировать. Михаил Юрьевич, у вас есть видеоаппаратура?

– Есть, Александр Павлович, – кивнул Лермонтов. – Мы все уже сделали. Нам даже удалось узнать имена пленных. Впрочем, обо всем этом лучше будет поговорить в крепости.

– Да-да, господа, – засуетился Адольф Карлович Этолин, вспомнивший, что он как-никак хозяин, принимающий дорогих гостей. – Прошу вас пройти ко мне. Супруга распорядилась приготовить обед, во время которого мы и обсудим все наши дела...

Отобедав, гости и хозяева приступили к обсуждению последнего инцидента. Лермонтов обстоятельно рассказал о боестолкновении. По его мнению, уничтоженный его группой отряд был разведкой главных сил индейцев. Примерно об этом же рассказали и пленные.

– Ваше сиятельство, – сказал он, – похоже, что готовится нападение на владения Росийско-Американской компании и, возможно, на сам Ново-Архангельск. По данным людей Адольфа Карловича, в стойбища колошей зачастили люди европейской наружности, говорящие между собой по-английски. Они обещают индейцам помощь оружием и боеприпасами. Ну и много-много «огненной воды». Взятые нами в плен жители Североамериканских Соединенных Штатов Дональд Симпсон и Роберт Митчелл сообщили, что к колошам их отправил человек, которого все называли «полковником». Кто он на самом деле и как его имя – они не знают. Денег у него много, и он не скупится на обещания, рассказывая о том, что в Вашингтоне, в Сенате, у него есть высокопоставленные друзья. «Полковник» хочет, чтобы на Аляске

началась большая война индейцев с русскими. Во время войны у властей РАК не будет хватать сил для того, чтобы вести охрану побережья и мешать контрабандистам и браконьерам истреблять морских бобров и торговать оружием и порохом. К тому же русские и индейцы, убивая друг друга, освободят эти земли для других наций. И вообще, как сказал Дональд Симпсон – он оказался поумнее и пограмотнее своего приятеля, – семнадцать лет назад один американский президент заявил, что любая попытка европейских стран вмешаться в дела бывших испанских колоний, расположенных на Американском континенте, будет считаться недружественным поступком по отношению к САСШ⁷.

– Это заявление – не блеф, – произнес Шумилин. – В нашей истории слова американского президента стали прикрытием для захвата САСШ земель своих соседей. Первой жертвой американцев стала Мексика, в результате американо-мексиканской войны 1846–1848 годов лишившаяся почти половины своей территории.

– Да, но что они забыли здесь, на Аляске? – воскликнул Этолин. – Ведь в документах, которые передал мне для ознакомления Виктор Иванович Сергеев, говорилось, что в вашей истории американцы с большой неохотой приобрели Аляску. Якобы пришлось дать большую взятку американским конгрессменам, чтобы они согласились купить земли Российско-Американской компании.

– Это так, – кивнул Шумилин. – Я предполагаю, что американцы рассчитывают, что с началом войны на Аляске мы будем вынуждены ослабить наши силы в Калифорнии, на которую янки давно уже точат зубы. Понятно, что простые громилы, вроде пойманных вами, Михаил Юрьевич, Симпсона и Митчелла, всего этого не знают. А потому я хочу попросить вас и ваших людей добраться до этого самого «полковника» и доставить его сюда, в Ново-Архангельск. Если вам нужна будет дополнительная помощь – вертолеты, приборы, оружие и специалисты, – то все требуемое будет переброшено сюда в самое ближайшее время.

– Спасибо, Александр Павлович, – поблагодарил Лермонтов. – Я подготовлю вам список того, что нам может понадобиться для выполнения поставленной задачи.

– А я хочу попросить прибывшего со мной Павла Дмитриевича, – Шумилин повернулся в сторону Киселева, внимательно слушавшего говоривших, – посоветовать Адольфу Карловичу, как вам лучше наладить взаимоотношения между русской властью в Ново-Архангельске и вождями индейских племен. Павлу Дмитриевичу приходилось заниматься чем-то подобным в Дунайских княжествах. Поверьте, тамошние валашские бояре недалеко ушли от вождей колошей... Мне же хочется потолковать с Михаилом Юрьевичем и пленными американцами. С вашего позволения, мы удалимся...

* * *

Жизнь же в Петербурге тем временем шла своим чередом. Доктор Кузнецов принимал пациентов и проводил занятия со своими коллегами. В Питер из Дерпта приехал Николай Иванович Пирогов. Это был еще не маститый пожилой мэтр со строгим взглядом и пышными седыми бакенбардами, каким его обычно изображают на классических портретах, а молодой – ему исполнилось всего тридцать лет – ученый с румяным лицом, но, правда, уже с большой залысиной, открывавшей высокий лоб. Он был одет в строгий черный сюртук и похож на чисто академического профессора, а не на практикующего хирурга, коим он был на самом деле.

Получив приглашение от нового лейб-медика императора, Пирогов пришел в замешательство. Он даже не мог предположить, зачем понадобился скромный преподаватель хирургии из Дерптского университета, чинами и званиями не обремененный. Нет, Николай Ивано-

---

⁷ Речь идет о Доктрине Монро – декларации, провозглашенной 2 декабря 1823 года в ежегодном послании президента САСШ Джеймса Монро к Конгрессу.

вич очень хотел увидеть человека, о котором рассказывали множество удивительных историй, дошедших даже до провинциального Дерпта. Только вот откуда о нем мог узнать человек, с которым Пирогов ни разу не встречался?

Еще больше удивился он, когда господин Кузнецов, который ко всему прочему был намного старше его, с нескрываемым уважением поздоровался с ним, и вообще, в разговоре всячески выказывал ему свое расположение. Причем делал все это лейб-медик царя вполне искренне.

Не удержавшись, Пирогов поинтересовался у Кузнецова, не встречались ли они ранее, а если да, то где и при каких обстоятельствах. На что Алексей Иванович, улыбнувшись, загадочно произнес, что господин Пирогов ему хорошо знаком, но до поры до времени обстоятельства этого знакомства пусть останутся тайной.

Потом разговор у двух медиков перешел в чисто профессиональную плоскость. Пирогов с удивлением обнаружил, что его собеседник в совершенстве знает анатомию и, если судить по его рассказам, имеет опыт в проведении сложнейших операций. Не удержавшись, Николай Иванович спросил:

– Господин Кузнецов, скажите, в каком университете вы получили столь глубокие знания? Я учился в Московском университете на медицинском факультете, в Берлинском университете и стажировался в Дерптском университете. И нигде мне не довелось услышать то, о чем вы мне сейчас рассказали.

– Николай Иванович, – ответил Кузнецов. – Свои знания я получил в России. Где и как – опять-таки я в данный момент не могу вам рассказать. А посетить меня я попросил вот почему. Мне бы очень хотелось, чтобы вы возглавили кафедру хирургии в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга. Я знаю, что в вас есть талант не только хирурга, но и преподавателя. В России же должны быть самые лучшие врачи в мире. Так уж получилось, что нашей стране приходится все время вести войны. И не из-за того, что мы воинственны и мечтаем о подвигах на поле боя. Другие европейские державы завидуют нам и стараются всячески ослабить нашу страну. Войн без потерь не бывает. И долг русского медика – оказывать помощь раненым войнам, спасать их от смерти. Для этого и существуют военные врачи. Но они помогают не только тем, кто носит армейские мундиры, но и всем больным и страждущим. Поэтому военные врачи должны разбираться не только в ранах, нанесенных пулями и саблями, но и уметь лечить людей от самых разных болезней. И способы их лечения тоже будут преподавать у вас на кафедре.

– Да, Алексей Иванович, – кивнул Пирогов, – я знаю, что наши солдаты на Кавказе умирают от малярии и дизентерии так же часто, как гибнут от кинжалов горцев.

– Ну, на Кавказе боевые действия, к счастью, затихают. Еще немного – и те горцы, которые еще там воюют, сложат оружие. Но летом из Оренбурга на покорение Хивы, превратившейся в логово степных разбойников, двинется отряд под командованием генерал-адъютанта Перовского. В походе, который состоялся в прошлом году и закончился неудачей, много наших людей погибло от холода и болезней. Надо сделать так, чтобы такое больше не повторилось.

– Не знал, не знал, – покачал головой Пирогов. – Вы, Алексей Иванович, хотели бы, чтобы я принял участие в походе генерал-адъютанта Перовского?

– Нет, предлагать вам такое я не собираюсь. К тому же в Оренбурге есть неплохой врач и ваш одноклассник по учебе в Дерптском университете – Владимир Иванович Даль.

– Как же, – воскликнул Пирогов, – мы с господином Далем в Дерпте подружились, но потом наши пути разошлись, и если мы и виделись потом, то нечасто.

– Николай Иванович, мы хотим вам предложить отправиться туда, где ваши знания и опыт пригодятся тем, кто живет на окраине земли Русской.

– Вы говорите об Аляске? – спросил Пирогов.

– И не только о ней, – ответил Кузнецов. – Кроме Аляски, русские люди живут в Калифорнии. Вы слышали, наверное, о крепости Росс?

– Что-то слышал, – наморщил лоб Пирогов. – Алексей Иванович, если сказать честно, вы меня заинтриговали. Я, конечно, попрошу у вас время на размышление, но, скорее всего, соглашусь на ваше предложение.

– Соглашайтесь. Николай Иванович, – улыбнулся Кузнецов. – Поверьте мне, вы потом об этом не пожалеете. Скажу больше, там вы узнаете многое из того, о чем мы с вами сегодня говорили. И сможете получить такую практику, которую вы вряд ли получите где-либо еще.

– Вы просто змей-искуситель, Алексей Иванович, – рассмеялся Пирогов. – Умеете вы уговаривать людей. Надеюсь, что вы взамен не потребуете мою душу и не станете заключать со мной договор, который мне придется подписывать кровью.

На этот раз рассмеялся Кузнецов:

– Нет, Николай Иванович, все будет без какой-либо чертовщины. Хотя многие достижения нашей науки и техники выглядят порой настоящими чудесами. К тому же вы отправитесь туда по распоряжению государя-императора.

– Самого государя! – изумленно воскликнул Пирогов. – Хотя да, как я мог забыть о том, что вы являетесь лейб-медиком и видите с государем каждый день! Что ж, я, как верноподданный императора, готов выполнить его распоряжение.

– Думаю, что вы потом многое поймете. Эх, как жаль, Николай Иванович, что я не могу отправиться вместе с вами! У меня здесь еще много работы. Впрочем, где-то через полгода вы вернетесь назад в Петербург и станете моим помощником.

– Через полгода?! – изумился Пирогов. – Но ведь примерно столько же путешественникам приходится добираться до Камчатки! А вы хотите, чтобы я за это время каким-то чудесным способом сумел попасть в Калифорнию, поработать там и вернуться назад? Вы шутите, Алексей Иванович?

– Нет, не шучу. Все будет именно так, как я сказал. И это тоже одна из величайших государственных тайн. И вам мы ее откроем в самое ближайшее время. Вот видите, Николай Иванович, сколько всего нового вам посчастливится узнать. Так что готовьтесь к удивительному путешествию. Уверен, что оно вам запомнится на всю жизнь...

* * *

Паруса «Марии-Галанты» наполнились ветром, и красавец-корабль резво помчался в открытое море, оставив за кормой французский берег. В центре верхней палубы для пассажиров 1-го класса была оборудована небольшая площадка, на которой находилось десятка полтора пассажиров, разодетых по последней моде. Они махали руками и шляпами, прощаясь с провожающими и с родным берегом. Девушки в чепцах тайком постреливали взглядами на матросов, сновавших вверх-вниз по вантам, и на офицеров, которые проходили мимо них с важным видом. В небе же над «Марией-Галантей» парили белоснежные чайки.

Морская романтика продолжалась до тех пор, пока одна резко снизившаяся чайка метко не угодила своим «гостинцем» прямо в роскошную прическу молодой дамы. Та взвизгнула от неожиданности и, догадавшись, что упало на нее сверху, сбегала вниз, бормоча при этом не слишком приличные для пассажирки первого класса слова. Потом и другие путешественники направились вниз, в свои каюты. Через час должен был начаться обед, и дамы торопились переодеться в соответствующие туалеты, да и мужчинам предстояло надеть костюмы и галстуки.

Минут через пятнадцать мсье Жак Леблан, не спеша и опираясь на трость, поднялся по трапу на верхнюю палубу и посмотрел на уже далекий берег. Щегольской редингот, белоснежная рубашка, галстук, модная борода-эспаньолка и черные, как смоль, усы, чуть тронутые сединой... Узнать в нем Джейкоба Уайта, урожденного Джакомо Бьянко (а по-корсикански это звучало как Джакупу Бьянку), было решительно невозможно. Впрочем, документ на имя Жака Леблана подделкой не был. Когда корсиканцы перебирались в материковую Францию, им, как

правило, давали офранцузенную версию фамилии. Точно так же зовут и его родственников, перебравшихся в Новый Орлеан в самом конце XVIII века, когда город еще был французским.

А вот усы и борода очень сильно изменили его внешность. Именно они спасли Уайта, когда он направился по одному известному лишь ему адресу в Кале, но вовремя заметил слежку и сделал вид, что просто прогуливается. Один из агентов мазнул по нему глазами, но ничего интересного, судя по всему, не нашел – богатых буржуа во Франции хватало, и вечерний променад у них был в моде. А вот сам корсиканец агента узнал – тот был человеком Уркварта...

Следовал же трехмачтовый парусник «Мария-Галанта» в Форт-де-Франс, на далекий остров Мартиника. Оттуда Джакопо предстоит еще один переход, покороче, чем этот – всего каких-то недели полторы-две, – после чего он окажется в Новом Орлеане. Ведь его задача – найти там своих родственников, причем желательно таких, которым закон не писан. А если учесть, что многие из них еще на Корсике были контрабандистами, то маловероятно, что их потомки чтят американские законы наравне со Священным Писанием.

Русские высадили Джакопо в бельгийском Остенде, откуда он беспрепятственно перешел границу у Дюнкерка и сел на почтовый дилижанс в Кале. Там у него жил приятель, в котором Джакопо был уверен, как в самом себе. Когда-то он спас земляку жизнь, и вряд ли после стольких лет дружбы он предаст своего спасителя. Увы, именно там Джакопо обнаружил слежку и поспешил покинуть город. Немного подумав, он собрался было отправиться в порт, где среди местных рыбаков у него также было немало знакомых. Но кто мог поручиться, что агентов этого проклятого шотландца нет и там? Тогда скрепя сердце он направился в Булонь.

Город этот был более аристократическим, чем Кале, и ему не стоило большого труда раздобыть себе одежду преуспевающего буржуа, как повседневную, так и выходную, после чего на почтовом дилижансе он направился в Гавр. Здесь ему повезло – кораблей в Североамериканские Соединенные Штаты не было, зато на следующий день парусник, перевозивший пассажиров в Новый Свет, отправлялся на Мартинику.

Места первого класса в наличии имелись. Более того, за десять франков ему разрешили занять каюту на день раньше. Конечно, он мог бы остановиться и в гостинице, переночевав в более комфортной обстановке, но англичане вряд ли стали бы искать его на борту корабля, а вот в городе – вполне вероятно.

На следующее утро «Мария-Галанта» – так именовался парусник – вышла в море. За обедом стюард рассадил пассажиров за столы в алфавитном порядке. Соседями у Леблана оказались мадам Ленотр – та самая, чью прическу подпортила чайка, – и мать и дочь Лемуар. Мадам Ленотр сразу же обратила внимание на то, что фамилии ее соседей подходят друг к другу⁸. Впрочем, она болтала без перерыва, не давая другим даже рот открыть. Выяснилось, что направлялась она на Мартинику, где ее муж служил в колониальной администрации. Кроме того, много нелестного было высказано в адрес чаек, а также капитана корабля, который не позаботился о куаффёре⁹. Он, по ее мнению, обязательно должен быть на корабле. Потом она стала рассказывать скучнейшие подробности жизни в Каэне и о яхте, которая осталась в порту. К счастью, после десерта она, взглянув в зеркало на длинной ручке, ойкнула и поспешила скрыться в своей каюте.

Джакопо в ее рассказе что-то показалось странным, но теперь за него взялась мадемуазель Лемуар. Оказалось, что мать ее родилась в России. Там она познакомилась с ее отцом на водах в Баден-Бадене вскоре после окончания Наполеоновских войн и вышла замуж по любви, хоть отец, дед мадемуазель, носил графский титул и посчитал этот брак мезальянсом.

⁸ Блан (blanc) – белый, нуар (noir) – черный.

⁹ Куаффёр (coiffeur) – парикмахер.

Корсиканцу понравились обе женщины, особенно дочка – она была красива той славянской красотой, которую практически не увидишь в Западной Европе. Кроме того, она была умна, мила и начисто лишена спеси, свойственной многим французским аристократам.

С позволения мадам Лемуар мсье Леблан отправился с ее дочерью на палубу, где они сидели и долго смотрели на море, на чайк, на французский берег по левому борту, который то появлялся, то исчезал в туманной дымке. И только когда он довел мадемуазель, которую, как оказалось, звали Натали, до ее каюты и галантно сдал с рук на руки маме, а затем вернулся на палубу, он наконец понял, что именно ему показалось странным в поведении мадам Ленотр.

Хоть Каэн и находился в непосредственной близости от моря, но единственной водной артерией в городе была река Орн. До моря же было с десятков миль. И никакой гавани для яхт там не было, да и быть не могло. Так что мадам Ленотр явно была не той, за кого себя выдавала. Скорее всего, она здесь не по его душу – а что, если все-таки да?

Вот только уйти с корабля возможности больше не было, разве что украсть шлюпку и попытаться изобразить человека, потерпевшего кораблекрушение. Но тогда его точно начнут искать.

Прелюдия к грозе

Шумилин отбыл в Русскую Америку, но, как говорят в народе, «свято место пусто не бывает». Во время очередного сеанса связи через портал на Черной речке в Санкт-Петербург XIX века прибыл полковник Олег Шукин. Видимо, его начальство решило, что негоже оставлять дела в столице Российской империи без надлежащего контроля.

Император Николай был рад встрече с человеком, который служил своего рода связующим звеном с высшей властью России XXI века. Да и сам Олег Шукин внушал ему симпатию. Умный, ловкий, храбрый и обаятельный. Если такое было бы возможно, то Николай с удовольствием принял бы его на свою службу и постарался бы, чтобы тот сделал блестящую карьеру при дворе.

– Добрый день, Олег Михайлович, – император дружески приветствовал Шукина, – с чем вы к нам прибыли? С хорошими вестями или с плохими?

– День добрый, ваше величество, – ответил полковник. – Вести разного рода, поэтому я хотел бы спросить у вас – в каком порядке их излагать? Начать с хороших или с не очень?

– Начните с не очень, – Николай перестал улыбаться и жестом пригласил гостя сесть на стул. – Пусть наш разговор закончится хорошими новостями.

– Как скажете, ваше величество, – кивнул Шукин. – Только, чтобы вас не томить, скажу сразу – хороших новостей больше.

Полковник открыл папку, которую он все это время держал в руках, разложил извлеченные из нее бумаги на столе, после чего приступил к докладу.

– Неприятности ожидают нас как на внешнем, так и на внутреннем фронте. Впрочем, они взаимосвязаны. Начну я с дел внутренних. Отстранив от дел господина Нессельроде, вы, государь, на какое-то время внесли сумятицу в ряды тех, кто видит в России лишь кормушку для себя и своих родных. За время управления делами внешними Нессельроде расставил на ключевых постах своих клевретов, и они, переждав какое-то время, снова активно начали интриговать против страны, на службе которой состоят.

– И вы можете назвать этих людей? – нахмурившись, спросил император.

– Вот в этой докладной, подготовленной нашими аналитиками, полный список «птенцов гнезда Нессельроде» и факты, которые подтверждают их враждебность России. Достаточно вспомнить князя Петра Долгорукова, которого еще в совсем юном возрасте выгнали из Пажеского корпуса за содомию. Потом этот, как у нас их называют, гей на палочке сожительствовал с князем Гагариным и голландским посланником Луи Геккереном. С помощью своих «приятелей» князь сумел найти место в нашем посольстве в Париже, где он стал писать дурно пахнущие пасквилы под псевдонимом «граф Альмагро».

– Я не читал труды этого сиятельного содомита, – поморщился император. – Но догадываюсь, что он в них обливает грязью меня и всю императорскую фамилию.

– Грязи в его трудах более чем достаточно, – кивнул головой Шукин, – но пакостники, вроде князя Долгорукова, – не самая большая опасность для нас. В конце концов, их можно будет просто отправить в отставку и заменить другими людьми, которые будут честно и добросовестно работать на благо страны.

– А в чем вы видите главную опасность? – поинтересовался император. – Говорите, не стесняйтесь. Я уже понял, что не стоит прятать голову в песок, подобно страусу.

– Опасно то, что эти люди ищут поддержку за рубежом и там ее находят.

– Вы имеете в виду британцев? – спросил Николай.

– Не только британцев, – ответил Шукин. – У России всегда было много недругов. Взять тех же австрийцев. Хотя Россия и состоит в союзе с этим государством, но вы прекрасно зна-

ете, что союзник из Австрии никакой. Вспомните, как во время войны с Турцией в 1829 году Меттерних повел себя совсем не по-союзнически.

– Во время Греческого восстания и нашей войны с турками Меттерниха яростно защищал Нессельроде, – задумчиво произнес император. – Тогда я поддержал вице-канцлера. Сейчас бы я этого делать не стал.

– Нессельроде всегда смотрел в рот Меттерниху, – усмехнулся Щукин. – Ведь во многом антифранцузские депеши Нессельроде из Парижа, которые диктовал ему Меттерних – тогда посол Австрии во французской столице, – способствовали ухудшению взаимоотношений между Россией и Францией. И в конечном итоге они привели к войне, которая вспыхнула в 1812 году.

– Что бы вы посоветовали сделать для противодействия внутренним и внешним нашим недругам? – спросил Николай.

– Наша внешняя политика после того, как избавится от балласта, оставленного господином Нессельроде, должна быть наступательной и более активно обязана отстаивать интересы России. Но, как я уже сказал, сначала необходимо вычистить авгиевы конюшни, оставленные в здании у Певческого моста.

– Хорошо, Олег Михайлович, – кивнул Николай, – надеюсь, что на этом ваши не очень приятные для меня новости закончились?

– Да, ваше величество. Что же касается хороших новостей, то я для начала хочу передать вам послание от вашей дочери.

Щукин достал из папки конверт, в котором лежало письмо от Адини и несколько цветных фотографий. Николай открыл конверт и первым делом стал рассматривать снимки. На них Адини, одетая в яркий лыжный костюм, стояла рядом с мужем. Похоже, что фото было сделано где-то в горах – на заднем плане был виден заснеженный склон и подъемник. У Адини было румяное от мороза, улыбающееся лицо. В руках она держала горные лыжи.

– Это в Приэльбрусье, на Северном Кавказе, – пояснил Щукин. – Хорошее там место для катания на лыжах. Помню, и я не раз бывал там со своей супругой...

Полковник тяжело вздохнул. Николай, знавший его печальную историю, участливо посмотрел на своего собеседника.

– А где они еще побывали? – спросил он у Щукина, стараясь отвлечь его от грустных воспоминаний. – И не вредно ли Адини пребывание среди снегов?

– Они погостили немного в Москве, ходили по столичным музеям, а теперь снова вернулись в Петербург. Через два дня они собираются вернуться сюда вместе с моей дочерью Надеждой, – ответил Щукин. – Что же касается пребывания Адини в горах, то морозный воздух лыжных курортов, как считают наши врачи, наоборот, благотворно влияет на здоровье. Кроме того, Адини перед отъездом покажет врачу, который проверит состояние ее легких.

– Ну и слава богу, – улыбнулся Николай. – Я и так вижу, что Адини довольная и счастливая. А что еще надо отцу? Кстати, Олег Михайлович, как поживает ваша очаровательная дочь? Она, как я слышал, скоро вернется в наше время...

– У Надежды тоже все в порядке, – усмехнулся Щукин. – Похоже, что и она нашла себе пару. Майор Соколов собирается просить у меня ее руки. Надежда заявила, что она согласна выйти замуж за этого молодого человека, который мне и самому очень нравится.

– Ну вот и прекрасно, – Николай неожиданно подмигнул полковнику и лихо подкрутил усы. – Ваш товар – наш купец. Если что – я готов лично стать сватом майора. Надеюсь, что мне вы не откажете...

Щукин и император рассмеялись. Потом Николай предложил своему гостю отужинать с ним. Полковник и царь, продолжая дружескую беседу, направились по коридору в сторону половины императрицы Александры Федоровны. Там в так называемой Помпейской столовой император любил принимать пищу в узком кругу особо доверенных лиц.

* * *

Поход воинственных тлинкитов и примкнувших к ним бледнолицых браконьеров и искателей приключений закончился, даже фактически не начавшись. Чтобы пресечь его на корню, понадобился всего лишь один боевой вылет вертолета Ми-24.

Он был тайно переброшен через портал в 1841 год. Проведя разведку с помощью беспилотников, Шумилин и Лермонтов, посоветовавшись, пришли к выводу, что внезапно нанесенный с воздуха штурмовой удар по лагерю индейцев полностью их деморализует.

– Александр Павлович, – сказал штабс-капитан, внимательно изучив сделанные с воздуха фотографии, – колоши – люди смелые и, сражаясь с ними, наши люди понесут потери. Конечно, мы их, без сомнений, уничтожим, но нам дорог каждый человек. Да и разбитые индейцы со временем придут в себя, соберутся с силами и снова нападут на нас. Надо их разгромить так, чтобы у тех, кто уцелеет, потом и мысли не должно появиться снова подняться против русских. Когда я обучался у вас, Александр Павлович, мне довелось побывать на полигоне, где боевые вертолеты отрабатывали задачу по нанесению удара по наземным целям. К тому времени я уже успел узнать многое о вашей технике. Но то, чему я стал свидетелем, скажу честно, потрясло меня. Думаю, что колошей и их союзников один вид извергающего огонь и смерть летательного аппарата вызовет ужас.

– Михаил Юрьевич, а вы, пожалуй, правы, – кивнул своей лысеющей головой Шумилин, – я прикину, как лучше все организовать...

Шумилин лично поставил боевую задачу командиру прибывшего из будущего вертолета Ми-24П. Слегка обалдевший старший лейтенант, несмотря на инструктаж, полученный накануне переброски, изумленно смотрел на снующих вокруг него солдат и офицеров гарнизона Ново-Архангельска, а главное, на стоящего перед ним живого классика русской литературы, наряженного почему-то в «цифру» и вооруженного «Винторезом». Лермонтов и седоватый пожилой мужчина решили посоветоваться с ним, как лучше разгромить большой отряд индейцев, который собирался напасть на русские владения на Аляске.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал ему пожилой мужчина, назвавшийся Александром Павловичем Шумилиным, – мне кажется, что вы не совсем внимательно нас слушаете. Мы с Михаилом Юрьевичем хотели бы услышать от вас, какие боеприпасы лучше всего использовать для разгрома противника.

– Я понял вас, Александр Павлович, – ответил вертолетчик. – Но мне для начала хочется узнать, где находится противник – в укрытии или в чистом поле. И каким ПВО он обладает.

– Скажу сразу, что о каком-либо ПВО не идет и речи, – усмехнулся Шумилин. – Ружья здесь еще кремневые и стреляют круглыми свинцовыми пулями. Так что действовать вам придется почти в полигонных условиях. Лагерь индейцев расположен на берегу замерзшего озера. Укрытий никаких. Нам необходимо одномоментно нанести им максимальные потери, причем речь идет не о полном уничтожении противника, а о полной его деморализации. Мы – не американцы, и уничтожать племена тлинкитов не собираемся. Нам просто надо навсегда отбить у них желание нападать на русские фактории и поселения.

– Вертолет против противника, вооруженного кремневым оружием... – вертолетчик покачал головой. – А вам не кажется, господин Шумилин, что это как-то...

– А вы слышали что-нибудь о резне русских в 1802–1805 годах? – неожиданно спросил Лермонтов у вертолетчика. – Тогда шесть сотен колошей под предводительством их вождя Котлеана на острове Ситка вырезали три сотни русских и союзных с ними алеутов. А в 1805 году они же захватили и сожгли поселение Российско-Американской компании на Якутате, перебив всех живших там людей. Думаю, что и на этот раз колоши не пощадят подданных

России, а также туземцев, доверившихся русским и нашедших у них защиту от нападения диких племен.

– Ну, если так, – вертолетчик развел руками, – то тогда лучше всего нанести удар НАРами С-8. Точнее, С-8С с осколочной боевой частью и С-8ДМ с объемно-детонирующей БЧ. Два десятка НАРов в каждом блоке, итого залп сорока ракет, и штурмовка из двуствольной 30-миллиметровой пушки...

– Думаю, что этого вполне достаточно, – кивнул Шумилин. – Так что, товарищ старший лейтенант, готовьтесь к боевому вылету...

Тлинкиты расположились лагерем на берегу замерзшего озера. Их, и примкнувших к ним белых добровольцев, набралось уже более трех сотен. Вождь индейцев, Хитрый Бобр, решил побыть здесь еще пару дней, поджидая воинов двух куанов¹⁰, вожди которых согласились присоединиться к вышедшим на тропу войны против русских. Все шло хорошо, в лесах было много дичи, а русские, как докладывали разведчики, ничего не подозревали. Воины были сыты, полны сил и вечерами плясали вокруг костров боевые танцы.

Неожиданно, сразу после полудня, откуда-то с неба раздался оглушительный рев и свист. Индейцы увидели огромную металлическую птицу, которая, наклонив вперед свой блестящий на солнце клюв, приближалась к лагерю.

– Это Хетл!¹¹ – истошно завопил один из индейцев.

Словно подтверждая его слова, летящее по небу чудовище окуталось дымом и пламенем, и от него отделились огненные стрелы, устремившиеся к лагерю. А потом началось то, что было ужаснее ада, о котором рассказывали русские попы с крестами на груди.

Мощные взрывы разметали палатки и укрытия, сооруженные индейцами. Стальные стрелы пробивали насквозь тела воинов, а огненные шары воспламеняли одежду людей. Страшная «гром-птица», изрыгая пламя и сея смерть, пронеслась над лагерем. Обезумевшие от ужаса люди и не помышляли о сопротивлении. В панике они побросали оружие и мчались куда глаза глядят. Огненный монстр уже скрылся из глаз, а в лагере все еще раздавались взрывы – это взлетали на воздух бочонки с порохом. Число убитых и раненых продолжало расти...

Ни о каком продолжении похода уже не шло и речи. Военный вождь Хитрый Бобр был убит. Погибли и многие из предводителей куанов. Оставшиеся в живых воины разбрелись по своим поселкам. Они рассказали о страшном разгроме, устроенном «гром-птицей», союзной русским. Вскоре в селения колошей пришли гонцы от правителя РАК, которые строго-настрого предупредили колошей о том, что в случае нового военного похода на владения компании Хетл снова прилетит и принесет смерть на своих крыльях.

«Помните, – говорилось в послании русского вождя, – что любое нападение на владения Великого Белого Отца, живущего за Большой Соленой Водой, или на его союзников, будет караться смертью».

Вожди колошей сразу поняли, что лучше быть союзниками русских, чем их врагами. Большинство из них спешно отправились в Ново-Архангельск, чтобы заключить союз с русскими вождями и тем самым спасти свой род от гибели.

Там их встречал генерал-адъютант Киселев, одетый в парадный мундир. Правитель РАК капитан 1-го ранга Этолин представлял вождей колошей личному эmissару императора. Всем прибывшим вручались подарок от Великого Белого Отца и большая серебряная медаль с изображением двуглавого орла.

Между вождями и графом Киселевым велась степенная беседа, в ходе которой определялись права и обязанности новых союзников русских. Павел Дмитриевич, имевший немалый

---

¹⁰ Родов.

¹¹ *Хетл* – *гром-птица* – сверхъестественное существо из сказаний тлинкитов, несущее смерть.

опыт ведения подобных переговоров, где надо хмурился и сердито качал головой, где надо улыбался и шутил. Вожди видели, что перед ними сидит действительно Большой Вождь, и понимали, что если и дальше сердить русских, то «гром-птица» снова прилетит, и тогда индейцев уже ничто не спасет. Они обещали никогда больше не поднимать оружие против русских, а если другие бледнолицые будут подстрекать их к нападению на русские поселки, то таких бледнолицых они погонят прочь, или свяжут и доставят в Ново-Архангельск.

Похоже, что на какое-то время опасность, грозившая русским поселениям на Аляске, была ликвидирована. Шумилин и граф Киселев, а также штабс-капитан Лермонтов стали собираться в Калифорнию. В крепости Росс их с нетерпением ждали друзья и родные.

* * *

После недолгой стоянки в гавани Рио-де-Жанейро, где отряд контр-адмирала Нахимова закупил продовольствие для дальнейшего следования к мысу Горн, корабли покинули любимый город Великого Комбинатора и снова вышли в море.

Игорь Пирогов вместе со своим приятелем лейтенантом Краббе побывал на приеме у бразильского императора Педру II, который только в прошлом году стал полноправным монархом, достигнув возраста пятнадцати лет. Правда, коронация императора была отложена на лето этого года. Был приглашен на этот прием командующий русским отрядом, а Пирогов и Краббе просто оказались в числе сопровождавших контр-адмирала Нахимова офицеров.

Все было обставлено с варварской пышностью. Униформа императорских гвардейцев и ливреи дворцовых лакеев оказались сплошь расшиты золотом. Сам юный император Педру II сверкал, словно елочная игрушка. Он произнес речь, после чего наградил Нахимова орденом Южного Креста. Похоже, что даже в этой далекой от Европы стране уважали силу и мощь Российской империи. Еще со времен адмирала Кокрэна¹² у бразильских военных установились неплохие связи с английским Адмиралтейством, и они уже знали о том, что произошло несколько месяцев назад у берегов Норвегии. Поэтому император Педру II посчитал нелишним устроить теплый прием русским морякам, следующим в Русскую Америку.

Подгоняемые попутными ветрами, корабли отряда двигались на юг. С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Чувствовалось суровое дыхание Антарктики. В море все чаще стали попадаться киты и альбатросы. Порой налетали порывы сильного ветра, несущие дожди и снег.

По приказу Нахимова на кораблях отряда еще раз проверили крепость бегучего и стоячего такелажа. Мыс Горн считался одним из самых опасных для судоходства мест в мире. Здесь часто случались жестокие шторма, а внезапные туманы сбивали корабли с курса, и они разбивались на скалах.

Игорь Пирогов вспомнил печальную судьбу экспедиции британского мореплавателя Джорджа Ансона. В 1740 году шесть кораблей его эскадры подошли к мысу Горн в сезон штормов. Два корабля, отброшенные сильным встречным ветром, так и не смогли обогнуть этот мыс. Третье же было выброшено на скалы. Флагманский же корабль «Центурион» Ансона чудом спасся, сумев в последний момент избежать столкновения с коварным рифом. Так в один момент британская эскадра сократилась наполовину.

А вот русской эскадре повезло. Утром Игорь Пирогов увидел с палубы фрегата «Аврора» покрытые снегами вершины острова Эстадос. Поймав в паруса попутный восточный ветер, корабли отряда вскоре достигли высокой и крутой горы, над которой кружились альбатросы. Это и был легендарный мыс Горн. «Аврора» и прочие русские корабли продефилировали мимо мыса и вошли в воды Тихого океана. Отойдя миль на сорок от берегов Огненной Земли и пере-

---

¹² Томас Кокрэн – британский моряк, в 1823–1825 гг. командовавший военно-морским флотом Бразилии.

жив небольшой шторм, который, впрочем, не нанес большого ущерба, контр-адмирал Нахимов дождался попутного южного ветра и взял курс на чилийский город Консепсьон, точнее, его аванпорт Талькауано, славящийся хорошей гаванью, здоровым климатом и возможностью закупить в нем достаточное количество продовольствия.

Игорь Пирогов задумался. Парадокс, но корабли того времени, из-за парусов вполне независимые от наличия или отсутствия топлива для судовых двигателей, сильно зависели от запасов продовольствия и питьевой воды. Холодильников для хранения скоропортящихся продуктов еще не было, и случалось, что экипажи кораблей, попавшие в штиль, подъев все, что хранилось в судовой провизии, и выпив всю воду, с голодухи варили кожаные ремни и сапоги, и молили Господа, чтобы он послал им дождик.

Экипажи русских кораблей перед выходом в дальний поход в Кронштадте прошли тщательнейший медицинский осмотр. Все больные или слабосильные матросы были исключены из списков. Лейб-врач императора Алексей Кузнецов лично отобрал медиков, которых распределили по всем кораблям отряда для того, чтобы вести наблюдение за здоровьем матросов и офицеров, а в случае необходимости оказывать им необходимую помощь. На корабли погрузили запасы медикаментов, витамины и лимонный сок, который ежедневно должен был выдаваться всем членам экипажа. Все эти меры дали результат – с момента выхода из России на кораблях не было выявлено тяжелых заболеваний. Два смертельных случая все же произошли, но это были так называемые «производственные травмы» – один моряк разбился насмерть, сорвавшись с реи, а второму раздробило голову тяжелым блоком во время аврала.

Размышления Пирогова прервал вестовой, передавший ему приглашение от контр-адмирала прибыть на флагманский фрегат «Паллада». Похоже, что командующий отрядом пожелал провести совещание с учетом последних указаний, полученных по радию из Петербурга. Павел Степанович был человеком дисциплинированным и исполнительным. В нужный момент он, конечно, принимал единолично решения, но только если это касалось чисто военных вещей. А тут придется решать вопросы, которые имеют политический контекст.

А дело было вот в чем. Император решил использовать по максимуму сам факт появления на Тихом океане отряда русских кораблей. Ведь флот – это не только военный, но и политический аргумент. «Дипломатия канонерок» применялась издавна. «Черные корабли» американского коммодора Перри, вломившиеся в порты Японии, положили конец самоизоляции Страны восходящего солнца. А чем русские корабли хуже? Понятно, что их поведение будет не таким, как у янки, которые с грацией слона в посудной лавке вели переговоры с правительством сёгуна. Закончилось же все «Революцией Мейдзи» и скоростной европеизацией Японии.

Похоже, что в Петербурге решили оказать давление на японское правительство, заглянув по дороге в один из портов этой страны. Впрочем, зондаж не должен был переходить определенные рамки. Если японцы упрутся и категорически откажутся вести переговоры, то надлежало покинуть порт и следовать в Русскую Америку.

А еще неплохо было бы заглянуть и на Гавайи, или, как их называли в XIX веке, Сандвичевы острова, получившие имя британского адмирала Сандвича, прославившегося лишь тем, что изобрел бутерброды, до сих пор именуемыми в англоязычных странах сэндвичами.

Время для посещения Гавайев было самое подходящее. В прошлом году оттуда с позором изгнали протестантского миссионера Хайрема Бингхема, ставшего настоящим «серым кардиналом» при дворе короля Камеамеа III. Это был настоящий изувер, заставлявший крещеных гавайцев три раза в день молиться, запретивший игры и танцы и полностью подмявший под себя всю духовную и личную жизнь королевской семьи. Доставалось от него и европейцам, особенно католикам, проживавшим на Гавайях. Удивительно, как этот человек, проповедующий христианскую любовь и смирение, сумел заслужить всеобщую ненависть как аборигенов, так и приезжих из Европы. В конце концов терпение у короля лопнуло, и он велел Бингхему покинуть острова. Потом тот несколько раз пытался снова вернуться на Гавайи, но руководство

американского миссионерского движения опасалось, что этот «Савонарола» вызовет полное отторжение островитян от христианства. Игорь Пирогов усмехнулся – он вспомнил, что этот самый Бингхем был дедом археолога Хайрема Бингхема, ставшего прототипом голливудского супергероя Индианы Джонса.

Словом, разговор на совещании у Нахимова будет сложным, и, вполне возможно, потребуется время, чтобы получить более конкретные инструкции из Петербурга. А еще лучше будет, если через портал в отряд переправят человека, более компетентного во всех этих делах.

Игорь Пирогов прикинул, что это было бы самым лучшим решением.

* * *

Адини и Николай Сергеев вернулись из XXI века счастливые, довольные, с кучей самых хороших новостей. Во-первых, врачи осмотрели Адини и сообщили, что от ее болезни не осталось и следа. Правда, время от времени ей необходимо будет посещать тубдиспансер и проходить там профилактический осмотр.

Во-вторых, княгиня Одоевская родила мальчика, здорового и горластого. Счастливый отец чуть не сошел с ума от радости. Он готов был носить на руках и супругу, и сына. На первых порах счастливому семейству помогала Ольга Румянцева, а ее возлюбленный Карл Брюллов с удовольствием писал картину, которую он уже окрестил «Святым семейством», где изображены были княгиня Ольга Степановна и ее малыш, названный Федором, в память деда – отца Владимира Федоровича Одоевского.

В-третьих, Ольга Румянцева тайком шепнула Адини, что, скорее всего, и ее в этом году ждут такие же счастливые хлопоты.

– Я пока ничего не сказала Карлуше, но «две полоски» налицо. Бог его знает – как там все будет дальше, но я надеюсь, что беременность, несмотря на мой возраст, пройдет благополучно. Ну а ты, девонька, не собираешься вступить в наш «клуб мамочек»?

Адини покраснела и ответила, что они с Николя пока не планируют обзаводиться потомством. Мол, муж сказал ей, что она еще слишком молода и пусть не спешит с этим делом. Потом, через два-три года, они наверстают потерянное время.

Все эти новости Адини сообщила любимому батюшке, который был очень рад возвращению дочери и зятя. Новости оказались действительно добрыми, и настроение императора Николая стало просто замечательным. От души радовались и великий князь Александр, и великая княжна Ольга. Словом, «вечер встречи» Адини и ее мужа прошел в приподнятом настроении.

Гостьей на этом небольшом семейном празднике стала и Надежда Щукина, которая прибыла в Санкт-Петербург XIX века вместе с Адини и Николаем Сергеевым. Надежда вела себя скромно и не была похожа сама на себя. Император, достаточно хорошо знавший дочь полковника Щукина, даже удивился столь необычному поведению Надежды. Он украдкой спросил у Адини, не заболела ли их спутница. Адини, так же украдкой, сообщила отцу, что встречавший их майор Соколов наконец решился и предложил своей любимой руку и сердце.

Хотя Надежда и ждала нечто подобное от «милого жандарма» – так она иногда в шутку называла возлюбленного, – но его предложение взволновало девушку так, что у нее даже потемнело в глазах.

«Еще не хватало шлепнуться в обморок, словно кисейная барышня, – подумала она. – Я думаю, что отец будет не против. А какие порядки здесь? Я слышала, что лица, приближенные к царю, вроде должны испрашивать его дозволения на брак?»

Своими сомнениями Надежда поделилась с Адини, а та, предательница, похоже, рассказала все отцу. Император, с улыбкой посматривавший на гостью, несколько раз одобрительно кивнул Надежде. Намек был явный, и от души девушки немного отлегло.

Потом, после чая с пирожными, женщины заговорили о своем, на первый взгляд совершенно бессмысленном, но очень для них интересном, а два Николая – тесть и зять – отошли в сторонку, чтобы поговорить о текущих делах.

Перво-наперво император вкратце рассказал о том, что творилось в Калифорнии, где отец Сергеева-младшего в настоящий момент решал весьма сложную задачу, требующую не только таланта хозяйственника, но и искусства дипломата.

Выслушав тестя, Николай нахмурился. Он считал, что ему следует немедленно отправиться на помощь к отцу, о чем он сразу же и заявил императору.

– А Адени? – возмутился Николай. – Ты о ней-то подумал? Ведь она просто сойдет с ума без тебя.

– Но ведь вы не возражали, когда я воевал на Кавказе, – сказал Сергеев-младший. – Там я был в большей опасности, чем сейчас, если я буду рядом с отцом.

– Правильно, – кивнул император. – Только ты тогда не был мужем моей дочери. И все равно она, бедняжка, так извелась, что я уже серьезно стал опасаться за ее здоровье. И спасибо Александру Павловичу Шумилину, который утешал ее и сумел внести в душу бедняжки успокоение.

– Кстати, дядя Саша, извините, Александр Павлович тоже отбыл в Русскую Америку. Вы поймите меня правильно, ваше величество, мне просто стыдно, что два пожилых человека отправились в такое беспокойное место, как крепость Росс, а я, здоровый мужик, имеющий боевой опыт, сижу в Петербурге, месте безопасном и относительно спокойном.

– Вот именно – относительно спокойном, – усмехнулся Николай. – Кстати, я не настаиваю, чтобы ты титуловал меня. Все же мы с тобой теперь, как-никак, родственники. Так что можешь называть меня по имени и отчеству.

– Хорошо, Николай Павлович, – кивнул Сергеев. – Так чем-то и мне здесь надо заниматься. Ну не могу я сидеть без дела.

– Похвально, – произнес император. – Я найду для тебя дело по душе. Такое, что тебе оно точно понравится. Как тебе такое задание – подготовка метких стрелков, или, как вы их называете, снайперов?

– Гм, – задумчиво сказал Сергеев. – Дело интересное и нужное. Я бы взялся за него. Только для создания учебного центра нужны люди и средства. Людей я, пожалуй, сумею найти. Я попрошу вас дать мне право отобрать в полках Санкт-Петербургского гарнизона метких стрелков, из которых я подготовлю первый выпуск снайперов. А их, в свою очередь, потом оставлю в своем центре преподавателями. Что же касается средств... – тут Николай вопросительно посмотрел на тестя.

– Говори, не стесняйся, – одобрительно кивнул царь, – на хорошее дело денег не жалко.

– Надо найти место подальше от города, – начал загибать пальцы Сергеев. – Стрельба – штука опасная. Тут надо все сделать так, чтобы случайно не подстрелить посторонних людей. Далее – надо оборудовать центр, сделать огневые рубежи, пулеулавливатели, подъемные и движущиеся щиты с мишенями. Кстати, а какое оружие мы будем осваивать? Я бы предложил получить его из арсеналов XXI века. Но на сей счет разрешение должно дать наше начальство.

– Думаю, что этот вопрос я смогу решить, – немного подумав, произнес император. – Ну а если это, как вы любите говорить, «не срастется», придется им обучаться меткой стрельбе из капсюльных винтовок. В любом случае ты, Николай, должен научить солдат не только метко попадать в мишень, но и маскироваться так, чтобы враг не смог заметить, откуда по нему стреляют.

– Хорошо, Николай Павлович, – похоже, предложение тестя заинтересовало Сергеева. – Если вы не против, то я вам дня через два предоставлю свои соображения на сей счет, а также список материалов, необходимых для создания учебного центра.

– Ну, вот и отлично. А пока, Николай, давай займемся нашими дамами. А то они без нас скучают.

Император и его зять направились к женщинам, которые, похоже, ничуть не скучали, а что-то с жаром обсуждали.

* * *

Прибытие графа Киселева со товарищи в крепость Росс повергло всех очевидцев сего события в священный трепет. Сергеев-старший решил на этот раз особо не тихариться, и к месту открытия портала допустил всех желающих. Здесь были и колонисты из крепости, и местные индейцы. Встретить высокопоставленных визитеров прибыл и дон Франсиско с дочерью и зятем. Его, правда, не удивило появление в воздухе невесты откуда изумрудного обруча, превратившегося через пару минут в сияющую арку. А вот окружающих...

Русские и креолы стали лихорадочно креститься и бормотать молитвы. А индейцы в ужасе закрыли глаза ладонями и стали взывать к Мадунде – своему верховному божеству. Бедняги просили его не гневаться на их племя и не насылать на них болезни и беды. Индейцев можно понять – перед ними разверзлось небо, и через образовавшуюся в нем дыру из чужого мира появились люди. Один из них, видимо, большой русский вождь, был одет в нарядный мундир с золотыми эполетами и аксельбантами. Остальные носили привычную пятнистую форму и держали в руках оружие.

Виктор Сергеев шагнул навстречу гостям. Он вежливо поздоровался с графом Киселевым, обнял своего старого друга Александра Шумилина и крепко пожал руку штабс-капитану Лермонтову и сопровождавшим его «вежливым людям». Потом Сергеев представил прибывших встречающим. Вадим не удержался и крепко обнял отца, по которому он изрядно соскучился. Киселев с любопытством смотрел на это проявление родственных чувств.

А Лермонтов, широко открыв глаза, впитывал в себя новые впечатления. Он удивлялся и природе Нового Света, и людям, здесь живущим. Его поразили вожди индейцев, наряженные в плащи из птичьих перьев, лихие вакеро в широкополых сомбреро, ослепительно красивая сеньорита, стоявшая под руку с майором, чье лицо показалось Лермонтову знакомым. Он вроде бы встречал его в учебном центре под Петербургом, где ему довелось пройти спецподготовку, и где поэт, доселе старавшийся быть похожим на некоего утомленного жизнью «лорда Байрона», наконец-то нашел себя.

После взаимных представлений и объятий и прибывшие, и встречающие направились в резиденцию главы русских земель в Калифорнии. Виктор Сергеев о чем-то на ходу рассказывал графу Киселеву, а отец и сын Шумилины, немного приотстав от остальных, беседовали, судя по их лицам, о чем-то весьма серьезном. Лермонтов же с майором Мальцевым, кратко переговорив, пожали друг другу руки и начали вспоминать общих знакомых по учебному центру. Очаровательная Кончита, супруга майора, с любопытством вслушивалась в разговор мужчин. Она активно изучала русский язык и теперь внимательно прислушивалась к словам мужа и его приятеля, стараясь понять, о чем они беседуют.

Дон Франсиско, держась несколько в стороне, размышлял над причиной столь неожиданного визита высокопоставленного сановника из Петербурга и прикидывал, как сей визит может отразиться на положении дел в Калифорнии. Вполне вероятно, что граф, который с большой любезностью обменялся с ним несколькими фразами на французском, имел полномочия от императора Николая на ведение переговоров с калифорнийскими властями об аренде некоторых территорий штата и о покупке новых земель. Дон Франсиско уже успел переговорить с навестившими его богатыми людьми Калифорнии, которые положительно отнеслись к возможности перейти под покровительство могучей Российской империи. По мнению этих людей, если русские гарантируют сохранение имущества и права живущих в Калифорнии собствен-

ников, то они не станут возражать, что в их землях появятся русские гарнизоны и порты. Как умные и деловые люди, владельцы ранчо и огромных стад уже просчитали, что они смогут неплохо заработать на поставках зерна, мяса и фруктов во владения РАК на Тихом океане. Да и русские товары, которые станут ввозить на торговых кораблях в порты Калифорнии, можно будет купить во много раз дешевле, чем те, которые они покупают у американских и английских купцов.

Ну а самое главное – безопасность. Оказавшись в будущем, дон Франсиско познакомился с историей Мексики и понял, что самая большая опасность, которая угрожает их землям, исходит от наглого и безжалостного северного соседа. Если янки что-то нужно, то они отбирают у тех, кто слабее, все подчистую. И лишь покровительство такого сильного в военном отношении государства, как Российская империя, сможет остановить американцев. А если за спинами русских будут стоять их потомки из XXI века...

Дон Франсиско взглянул на улыбающееся лицо своей дочери, которая шагала, тесно прижавшись к мужу, русскому майору из будущего. Нет, только под покровительством русских калифорнийцы смогут выжить в этом жестоком мире, где сильный беззастенчиво отбирает у слабого имущество, честь и саму жизнь.

«Надо попросить дона Виктора поближе познакомить меня с прибывшим сегодня графом, – подумал он. – Думаю, что мы пойдем друг друга».

Примерно о том же думал и граф Киселев, внимательно слушавший то, что рассказывал ему Сергеев. Ему нравился глава русской колонии в Калифорнии, который, несмотря на свое происхождение и сравнительно невысокий чин, держался с достоинством, как равный с равным. Он так был не похож на валашских бояр, с которыми графу приходилось иметь дела, будучи фактически владыкой в Дунайских княжествах. Те унижались и лебезили перед «великим визирем» русского царя, предлагали ему дорогие подарки. Моргни он глазом, и любой из бояр лично привел бы в спальню Киселева свою жену или дочь. А Виктор Иванович был вежлив, но не подобоострастен, и живо, даже иногда шутя, обсуждал вопросы, касаемые дальнейшего существования русских земель в Калифорнии. Граф, конечно, помнил, что сын господина Сергеева женат на дочери императора. «Но он ни разу не упомянул об этом», – отметил про себя Киселев.

А старший и младший Шумилины разговаривали о делах сердечных. Александр Павлович рассказал сыну о том, что просила его передать устно великая княжна Ольга Николаевна. И от этих слов сердце Вадима гулко забилося.

«Не может быть! – подумал он. – Она меня любит! А почему, собственно, не может быть? Адини полюбила Кольку Сергеева, а чем я хуже?»

Вадим не удержался и прямо спросил об этом отца. Александр Павлович тяжело вздохнул.

– Я тебе вот что скажу, Вадик. Главное – не спешить. Ведь совсем недавно мне удалось с большим трудом уломать императора и добиться у него согласия на брак его дочери с Николаем Сергеевым. С одной стороны, имеется прецедент, на который я могу сослаться во время разговора с императором. А с другой стороны... Вадим, Николай Павлович – человек своеобразный. Он бывает иногда очень упрямым и отказывается воспринимать очевидные истины. К тому же существуют чисто сословные предрассудки, с которыми он вынужден считаться. Надо приложить огромные усилия для того, чтобы подвести его к правильному решению и чтобы он сам принял это правильное решение. Сделать же это не так-то просто.

– Значит, папа, ты считаешь, что мне надо сидеть на попе ровно и ждать?

– А у тебя есть другой вариант? Только не говори мне про то, что ты готов вместе с Ольгой сбежать в XXI век и там пожениться. Теоретически это сделать легко. Но что за этим последует?

Вадим тяжело вздохнул. Умом он понимал, что отец прав, но вот сердце... Ему ведь не прикажешь. Тем более что теперь Вадиму стало известно о том, что и Ольга питает к нему симпатию. Как все сложно на этом свете!

– Не вешай нос, сынок, – ободрил его Александр Павлович. – Я уверен, что все будет хорошо. Для тебя сейчас главное – хорошо выполнить поставленную перед тобой задачу и добиться благосклонности царя. И еще – не вздумай обмануть Ольгу. Вон сколько здесь красивых сеньорит. Прямо сплошь Кармены... Закружат тебе голову – и все, пиши пропало. Тогда вместо любимой женщины – между прочим, дочери царя – ты получишь злобную мегеру, которая станет мстить тебе за измену при каждом удобном случае. Так что обратной дороги у тебя нет. Вот так-то...

Такие мысли обуревали людей, входивших в ворота крепости Росс, расположенной на берегу Тихого океана в далекой Калифорнии. Эта земля хотя и находилась в Америке, но по факту была уже русской. И таковой она должна оставаться навсегда...

Шпионские страсти

Для человека, который ни разу не ходил на корабле, либо чей опыт подобных приключений ограничивается лишь гребной лодкой на пруду или речным паромом, море овеяно романтическим ореолом – безбрежная гладь моря, крики чаек, соленый морской воздух. Для пассажира же трансатлантического парусника, путешествующего даже первым классом, самое большое желание – чтобы путешествие, наконец, закончилось. День за днем – однообразные завтрак, обед, ужин в компании других пассажиров, крохотная каютка и, если позволяет погода, прогулка по огороженному участку палубы. И это при условии, что пассажир не страдает морской болезнью – тогда это постоянная пытка, усиливающаяся даже при самом небольшом волнении.

Джакопо в море выходил с раннего детства и морской болезни подвержен не был. Но даже и ему это путешествие сидело уже в печенках. С соседями по столу они успели обсудить все возможные темы, кроме политики – дамы о ней и слышать не желали, а Джакопо и не настаивал. Кроме того, это было лишь начало путешествия, и дамы то и дело просили его сопровождать их на прогулку. Он им рассказывал про морских птиц, паривших над головами, про назначение разных парусов, про китов и дельфинов, изредка попадавшихся им на пути.

В первый раз, когда он прогуливался по палубе с мадам Ленотр, та спросила его:

– Мсье Леблан, я никак не могу понять – вы разговариваете, как заправский парижанин, но мало кто из них вообще видел море. А вы, однако, рассуждаете, как человек, выросший и пробывший большую часть своей жизни в каком-нибудь порту.

– Мадам Ленотр, вы необыкновенно проницательны. Моя матушка была родом из Тулона, и на лето мы часто отправлялись в гости к ее родителям.

– Из Тулона? – спросила мадам, и в глазах у нее появилось что-то хищное. – А где вы там жили?

Мадам Ленуар с удивлением посмотрела на нее, но Джакопо не моргнув глазом ответил:

– На Рю де Боннетьер. А вы знаете Тулон?

На самом деле Джакопо там бывал только один раз, в гостях у друга, и, если бы она начала задавать ему слишком много вопросов, он мог и запутаться. Но она лишь сказала:

– Не очень хорошо. – И поспешила перевести разговор на другую тему.

На третий день погода была изумительная – ласковое солнце, легкий бриз, синяя гладь моря... В первые два дня пассажиры оставались на палубе по два часа и более, но сегодня, уже в самом начале прогулки, мадам Ленотр, сославшись на неожиданную головную боль, ушла вниз в свою каюту.

Подумав, Джакопо отпросился у двух других дам под каким-то пустяковым предлогом и, пообещав вернуться через несколько минут, отправился в конец коридора ближе к юту – именно там располагались как его каюта, так и более роскошная каюта Ленуар. Третья, рядом с ними, пустовала, а затем коридор делал небольшой изгиб.

Прижимаясь к стенке, он на цыпочках подошел к повороту и прислушался. В полутемном коридоре раздавался какой-то странный звук. Осторожно выглянув из-за узла, Джакопо увидел, как мадам Ленотр тихонько ковыряется чем-то вроде отмычки в замке двери каюты. Вот только, к его удивлению, слишком любопытная мадам делала это не с дверью его каюты, а пыталась открыть замок двери каюты Ленуар. Делала она это пусть не профессионально, но достаточно умело. Как только дверь открылась, она вдруг почувствовала, как нож корсиканца пропорол ее платье и корсаж напротив сердца, а левая рука зажала рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.